

проблема личности
 поступок **диалог** полифония **КАРНАВАЛ**
 умирание-воскресение **диалогичность**
культура эстетика
философия познание лингвистика философия
ПОТОП дух язык смеховая культура **ХРОНИКА**
КАРНАВАЛИЗАЦИЯ речевой жанр *стилистика* многообразие
 плюрализм **событие**
 симфония **праздник**

2022

№ 1(7)

<https://bakhtin.mrsu.ru>

Содержание

Теоретические исследования

[The Horrors of the Body: Notes on Mikhail Bakhtin and the Images of the Grotesque Body](#)

Ариэль Гомес Понсе (Кордоба, Аргентина) 4

[History as a Dialogic process: the Case of Frank Lloyd Wright](#)

Мартин Нистранд (Мэдисон, штат Висконсин, США) 13

Диалоги

[Саранские адреса М.М. Бахтина](#)

Л.М. Лисунова (Саранск, Россия) 29

Из архива

[Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана. Часть 7](#)

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой (Саранск, Россия) 36

[Скачать приложение](#) 45

Материалы к «Бахтинской энциклопедии»

[1. «Вопросы литературы и эстетики»](#)

С.А. Дубровская (Саранск, Россия) 57

[2. «Рабле и Гоголь \(Искусство слова и народная смеховая культура\)»](#)

С.А. Дубровская (Саранск, Россия) 60

[3. Кустанай](#)

В.И. Лаптун (Саранск, Россия) 67

Обзоры, рецензии, научная хроника

[Научная жизнь](#) 72

[Новые публикации, посвященные М.М. Бахтину и бахтинскому контексту](#) 74

[Хроника](#) 76

Contents

Theoretical research

[The Horrors of the Body: Notes on Mikhail Bakhtin and the Images of the Grotesque Body](#)

Ariel Gomez Ponce (Cordoba, Argentina) 4

[History as a Dialogic Process: the Case of Frank Lloyd Wright](#)

Martin Nystrand (Madison, Wisconsin, USA) 13

Dialogs

[M.M. Bakhtin's Saransk addresses](#)

L.M. Lisunova (Saransk, Russia) 29

From archives

[M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature recorded by M.A. Beban. Part 7](#)

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva (Saransk, Russia) 36

[Download the app](#) 45

Materials for the Bakhtin Encyclopedia

[1. Questions of literature and aesthetics. Studies of different years](#)

S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 57

[2. «Rabelais and Gogol \(The Art of Discourse and the Popular Culture of Laughter\)»](#)

S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 60

[3. Kustanai](#)

V.I. Laptun (Saransk, Russia) 67

Reviews, scientific chronicles

[Scientific life](#) 72

[New publications devoted to M.M. Bakhtin and the Bakhtinian context](#) 74

[Chronicle](#) 76

The Horrors of the Body: Notes on Mikhail Bakhtin and the Images of the Grotesque Body

©Ariel Gómez Ponce

*Ariel Gómez Ponce, PhD in Semiotics
Research Assistant at the National Research Council (CONICET),
Center for Research and Studies on Culture and Society (CIECS),
University of Córdoba
E-mail: arielgomezponce@unc.edu.ar*

Córdoba, Argentina

Annotation. This article proposes an interpretation of the horror body as a historical prolongation of Bakhtinian grotesque. I pretend to demonstrate the relevance of the theory of Mikhail Bakhtin in order to study current manifestations where a material bodily principle collaborates with the description of periods of cultural mutations. In the historical transition from cinema to current TV series, the grotesque of body horror surfaces a bodily awareness that reveals our biological and cultural fears, many of which are linked to certain postmodern transformations.

Keywords: M.M. Bakhtin, horror body, grotesque, TV series, postmodernity.

Introduction

This article pretends to collaborate to my ongoing research, which is about the aesthetic variations of fear in current massive culture, from a semiotic point of view and with a strong predominance of cultural critique of Mikhail Bakhtin [9]. This research is situated in CONICET and under the direction of Professor Pampa Arán¹. Before inquiring into the artistic procedures that recently stage an affect as fear, an exploration of traditional genres, like horror, is paramount. In this work, I will carry out such task focusing on a parcel of that memory: the *horror body*.

As it is known, the body has evolved into an object of fear in contemporary culture, not only because the abundance of monsters that invade screens with their rotten aesthetics (zombies, vampires, etc.), but also because our own corporality became perturbing: we live in a “pandemic era” [14] and, in recent times, we have discovered an endless number of agents that circulate in our immune system until its collapse. The idea that the uncanny can come from the inside of our own bodies was early explored by cinema in the late twentieth century when its raw material came mainly from the collective anxieties of the time.

However, I suspect that this artistic work with corporal fears could be inscribed in an older tradition – the one that Mikhail Bakhtin described as a *grotesque aesthetic*. By this, I mean, the system of images that lives by the carnival, with a very particular conception of a hypertrophic body and in metamorphosis, not subdued to the enshrined aesthetic rules. Even though this aesthetics surface in an exemplary way in genres of the serio-comical, Bakhtin’s proposal warns us that this is a manifestation which accompanies the human development, still present currently.

In this article, I will suggest that the category of the grotesque could shed new light on the horror body, proving that corporality, even the terrifying ones, becomes an exchange place where

¹ I would like to thank Professor Arán, who has instructed specialist in Bakhtinian theory in Argentina, also leading a number of investigations in the last decades, among which could be highlighted the edition of the first terminological dictionary of Bakhtin (*Nuevo Diccionario de la teoría de Mijail Bajtín*, Córdoba: 2006), and others dedicated to his aesthetic and philosophical thought (*La estilística de la novela en M.M. Bajtín. Teoría y aplicación metodológica*, Córdoba: 1998; and *La herencia de Bajtín. Reflexiones y migraciones*, Córdoba: 2016. URL: <https://rdu.unc.edu.ar/bitstream/handle/11086/4780/La%20herencia%20de%20Bajt%C3%ADn%20Digital.pdf?sequence=1>).

cultures negotiate senses and their contradictions. I will reconstruct the Bakhtinian idea that the grotesque body transfers abstract senses to a material plane, at the time that it embodies ongoing cultural mutations, and signals a period of historical transition, sometimes inaccurately [11]. One section will be devoted to recover these ideas in order to think the horror body as one of those fragments of grotesque, remnants that manifest renewed vitality as Bakhtin once said.

Nonetheless, as the philosopher suggested, the most appropriate medium to judge each prolongation of the grotesque is with “the help of concrete material” in which this tradition is collected [6, p. 58]. Therefore, in the second section, I would like to revise one of the founding fathers in horror body: the director David Cronenberg. An interpretation of the Cronenbergian films in grotesque terms will allow us to understand clearly a quite disseminated premise: that horror body is “a meditation on the transitory nature of the human form” [17]. But this nature is not only a biological precarity, because this contemporary grotesque expresses a bodily awareness which also reveals the collective anxieties, originated in the postmodern transformation: a historical moment to which I will dedicate some reflections in the last section, reviewing recent displays of TV series.

One further observation needs to be added as this article outlines premises about massive artistic forms, submitted to the demands of global market, a context far from the historical reality that Bakhtin had in mind, because his modern thought was incapable of imagining the fragmented subject and the atomist and mediated society of our postmodernity. However, this work pretends to give continuity to previous investigations in which I have tried to validate the potential of Bakhtinian proposal in the study of other historical modalities of the grotesque, thus bearing witness to the validity of this aesthetic conceptualization which is effective to describe and capture diverse instances of cultural transformations. In other words, my objective is to show the gargantuan fecundity of Bakhtin’s heuristic, who invites us to interpret endless artistic forms: objects of knowledge linked to the social functioning [2].

Grotesque Body: Bakhtin and the Rabelaisian Carnival

It is known that Bakhtin founds a tradition of critical cultural studies with the notions of *carnavalesque* and *cultures of laughter*, from the reconstruction of the popular-comic sources of carnival: phenomenon characterized by the inversion of social structures, the collapsing of distance between people, and the celebration of the relativity of symbolic order [8, p. 139]. According to the philosopher [6, p. 10], the carnival “celebrated temporary liberation from the prevailing truth and from the established order”: a kind of cultural “suspension” that blossoms in periods of historical transitions when a new *imagen of men* can be perceived, as it happened when the Middle Ages and the beginning of the Renaissance met, the point at which the serious and feudal tone dissipates to open the way to a new humanism.

In an exemplary way, the works of François Rabelais captured this transition, allowing Bakhtin to reconstruct one of the lines of the sociohistorical poetics of the novel [3], that is to say, the line of genres of the serio-comical. The vast memory of this genre contains old narratives well-nourished by the popular folklore and fertility rituals which celebrate cosmic cycles of nature [4, p. 86-129], and also many another literary forms that transform carnival imagery, as in Shakespeare [7, p. 173-190], or even in modern writers such as Dostoevsky, whose works are filled with a “carnival sense of the world” [5, p. 107]. This continuity shows that throughout history the carnival elaborated its own heritage and its own language: in other words, a whole critical and rebellious tradition, capable of mutating in time and adopting various manifestations.

In this foundational study, Bakhtin explained that the critic tended to analyze those manifestations of carnivalized culture in isolation, without considering that all of them respond to a “system of imagen” that he would then call *grotesque realism*. In the Bakhtinian appropriation of the term grotesque, there is no pejorative sense, but a peculiar aesthetic imaginery: a world conception that kept signs of a social transformation. It is enough to see the images that appear in the Rabelaisian work: senile pregnant hags, giants whose members merge with the soil, and bodies torn apart whose

fragments acquire new life, are examples of the figures that emerge in the carnal and eschatological atmosphere of carnival.

As it can be seen, in this grotesque a privileged place is given to the images of body or, more precisely, a “material bodily principle” [6, p. 19]. Through the corporal materiality, the carnival questions the asceticism and the absolute and abstract values of the feudal culture, and it does so by “the lowering of all that is high, spiritual, ideal, abstract; it is a transfer to the material level” [6, p. 19]. More than a mere parody, the grotesque aesthetic disrupts the topographical meanings of medieval culture, bringing its celestial and spiritual symbology closer to the earthly images of the tomb, the womb, and the genital organs. With the corporal exaggeration, the exposition of the physiological functions, and the evaporation of limits between youth-old age and life-death, the body comes down to earth, thus redeeming what the feudal institutions considered vulgar. Bakhtin called it degradation:

Degradation here means coming down to earth, the contact with earth as an element that swallows up and gives birth at the same time. To degrade is to bury, to sow, and to kill simultaneously, in order to bring forth something more and better. To degrade also means to concern oneself with the lower stratum of the body, the life of the belly and the reproductive organs; it therefore relates to acts of defecation and copulation, conception, pregnancy, and birth. Degradation digs a bodily grave for a new birth; it has not only a destructive, negative aspect, but also a regenerating one [6, p. 21].

That grotesque and degraded body lacks a univocal reading: it oscillates in an imprecise threshold where negation and affirmation coexist. Life and death are redefined, while the limits between the profane and the sacred are dissolved, as it happens between beauty and monstrosity. As this is so because the grotesque body materialize a period of historical transition when two conceptions of the world live together. Therefore, nothing is finished nor perfect in the grotesque body, given that it shows the human life “in its twofold contradictory process; it is the epitome of incompleteness. And such is precisely the grotesque concept of the body” [6, p. 26].

In plain sight, the power of regeneration and cheerful contradiction celebrated by Rabelais little has to do with the terror and the repugnant that evokes the *horror body*. But it also must be admitted that there can be historical mutations, as Bakhtin proved by describing other systems of images in other traditions, pursuing the long persistence of the grotesque which is weakening in time. An exemplary case is in the Romantic period when “a revival of the grotesque genre but with a radically transformed meaning” emerged, defined by Bakhtin as a *subjective grotesque* [6, p. 36]. Other features characterize this aesthetic that subdue the time of popular utopianism of carnival and vanish the collective human communion with the world: by contrast, in the Romantic forms “the entire world is turned into something alien, something terrifying and unjustified. The ground slips from under our feet, and we are dizzy because we find nothing stable around us” [6, p. 42].

As a matter of fact, the most significant changes comes from a preference for the *terror* that is capable of reelaborating some Rabelaisian motives, as a transposition in the subjective language of Romanticism: for instance, the masks, the marionettes and the scarecrows lose their festive and cheerful character and turn into sinister and melancholic symbols, and madness (that which “makes men look at the world with different eyes”, [6, p. 39]) becomes a feature of an tormented and cleaved subject (see Dr Jekyll and Mr. Hyde). Bakhtin says that the “ambivalence offers a sharp, static contrast” [6, p. 41], and death is exemplary: while Rabelais represented death as resurrection and mere stage in the eternal continuity of nature, the Romanticism showed it as an irremediable final, or as a relation irreconcilable with life, as can be seen in vampires and other revenant monsters. Bakhtin summarizes that “the images of Romantic grotesque usually express fear of the world and seek to inspire their reader with this fear” [6, p. 39].

It will, of course, be objected that Bakhtin is not interested in digging deep into this Romantic expression, because his focus is on the historical productiveness of grotesque, and on how this aesthetics – always related to the human body representation – reveals a time of social and cultural mutation. Whereas the grotesque images of Rabelais announced the utopian humanism at the dawn

of the Renaissance, in the 19th grotesque heralded the contradictions of a new subject: the Romantic ego whose interiority was besieged by the forces of the unknown, during the expansion of the bourgeois culture. As I understand it, in both revelations resides the artistic and heuristic force of what Bakhtin called the *grotesque method*: an aesthetic linked “to moments of crisis, of breaking points in the cycle of nature or in the life of society and man” [6, p. 9]. However, in our times another aesthetic as body horror seems to revive this temporal critic that sustains the grotesque method, as it will be explained below.

On Body Horror: A Poetic of Flesh

The body horror, also known as biological horror, born in the North American cinematography in the 1970s, specially found in the Class B horror films. By a common agreement, its roots are in the Gothic literature, particularly in Mary Shelley’s *Frankenstein* (1918), whose terrifying monster made of human pieces opens the way to a bodily tradition that will continue in the 20th century with the popular undead figures (George Romero’s *Night of the Living Dead*, 1968) and the bodies as host of extraterrestrial (Ridley Scott’s *Alien*, 1979) or supernatural guests (William Friedkin’s *The Exorcist*, 1973). With different arguments, these films eventually showed the preference for hybrid characters that blur the limits between species. For the critics, that tendency would have developed a whole thematic and formal specialization, and therefore the definitions of body horror tend to be linked to the notion of genre, be it as a sub-genre of terror, as generic manifestation that, alongside porn, explores a bodily excess [19], or as mere tropes of repulsion in the frontiers of different genres [13].

Yet the definition of horror body can also be understood from another profitable point of view when one turns to David Cronenberg, considered a founding father of horror body. This acclaimed Canadian director is well-known by his refusal of the supernatural, isolating the horror from its Gothic tradition. Instead, Cronenberg prefers a biological discourse that exhibits the body as an uncontrollable place, filled with permanent transformations and, at the same time, a precarious shelter of desires and instincts repressed. “New Flesh” is the term which is used to describe this repulsive and abject, characterized by repugnance and certain attraction, and full of motives such as: viral contagion (*Rabid*, 1977), the omnisexuality (*Crimes of the Future*, 1970), the fusion between the organic and technological (*Videodrome*, 1983), and the bodily improvement through mental force (*Scanner*, 1981; *The Dead Zone*, 1983), splitting (*Dead Ringers*, 1988), and mutation (*The Fly*, 1986).

According to Mark Irwin (Cronenberg’s photography director), these repetitions claim that the sum of his works may be more conclusive than any movie separately [in 16, p. 47]. In fact, when recurrent elements and motives can be observed in the films, this foundational work seems to conceive a whole artistic conception that hides an unusual understanding of the body. Therefore, I would argue that, more than a genre in its own right, Cronenberg composed his own *system of images* which was later appropriated by the massive culture, expanding it in two directions: on the one hand, towards commercial and exaggerated films such as *gore* or Wes Craven’s *slasher*, and on the other hand, towards more subtle forms that I will explore in the next section. This system can be explained when it is inscribed in the material bodily principle of the grotesque tradition. It occurs that, more than once, Cronenberg suggested that his movies are aware of the physical, and I think this expression has relevance if it is interpreted in the light of what we called a grotesque imagery: “that is, the method of construction of its images” [6, p. 30].

For Cronenberg, to be aware of the physical implies to realize that our own bodies are in constant change, although we do not notice it. Disease and, ultimately, death abruptly reveal the ephemeral condition of our existence because we perceive symptoms, alterations and signals of disturbance or decomposition in the normal physiological state. However, the corporality is an unceasing process of transformation, and suffice it to pay attention to cells and tissues successively replace throughout a lifetime. Cronenberg states that this revelation causes one of the most indiscernible fears: “it is disturbing because it is based on an existential fear and terror: it deals with the evanescence of our lives, the fragility of our mental stated and, ultimately, the precarity of all

reality” [in 16, p. 194]². Cronenberg suggests that other films on technology or the supernatural tend to ignore this physical existence that the horror body surfaces as an uncanny strangeness through different techniques.

One of these implies narrating the transformation of the body in detail as a consequence of failed experiments, investigations of governmental conspiracies or scientific discoveries of the time. But the causes are not as important as the result: those bodies are always halfway between humanity and monstrosity, animality or technology. *Fly* (1986) is the perfect example (and I would dare say the emblem of the horror body) as it portrays that scientist who invents two pods to teleport objects which mistakenly fuses the protagonist with a fly at genetic level. One could say that the argument of the film, more than a scientific discovery, is about the deterioration and the slow decomposing of that hybrid body that holds on to its last human remain.

At any rate, this horror body recalls Bakhtin’s reading: “the grotesque image reflects a phenomenon in transformation, an as yet *unfinished metamorphosis*” [6, p. 48, italics added]. Consequently, these films are interested in this unfinished character, focusing on the process more than on the final product. Also, the deterioration of the body and its disease are treated like an unceasing becoming of which the characters slowly become aware until the acceptance (see *Shivers*, 1975). Accepting this degradation is part of the conception of the physical proposed by Cronenberg, who also asks: “Why not interpreting the process of aging and death as a transformation? [in 16, p. 123]. In a certain way, these films reinscribe death and disease as parts of the life cycle and, in this sense, Cronenberg’s narratives remind of Rabelaisian images, because of their mode of situating the body in a permanent resurrection, a sign of the eternal continuity of human life and biological life in general.

Nevertheless, in contrast to that positive grotesque that celebrates a cosmic time, the horror body highlights mortality and aging in accelerated or decelerated ways. In other words, these biological processes are exaggerated, and this is another technique of horror body: that is to say, the exacerbation of not only the body (deformations, hypertrophies, excretions), but also the endless psychological manifestations that the body cannot contain, such as sexual fantasies, hallucinations, mental illnesses and even addictions. It is important to mention that Cronenberg works all of these mental rampages because they collaborate with that corporality in mutation, given that the idea of a homogenous and lucid identity is, for the director, a mere cultural shelter: “we try to keep a constant identity because we need that stability. Also, our brain is constantly changing, physically changing” [in 15, p. 14]. All this exaggeration is also sustained by the special effects that Cronenberg defines as an extreme conceptual imagery which must “hit first”, as an effective medium to make us aware of “the notion that each one of us carries the seeds of our own destruction willing to germinate is terrifying. In such case, there is no possible defense, no way out” [in 16, p. 96].

This succinct exploration suggests that the horror body revitalizes many senses described by Bakhtin, especially when he warned us that behind every historical expression of the grotesque there is a “bodily awareness” [6, p. 48]. Grotesque body could then be another name for this aesthetic form which composes images of metamorphosis and exaggeration, in order to degrade the idealization that we have of our own physical existence. For this, Cronenberg is foundational and, at the same time, exemplary; it is not casual that “corporization” is a regular term when he explains his own aesthetics procedures [15].

It should be added, however, that Bakhtin claims that in the grotesque lies a problem related to the way in which those non-traditional bodies are inserted into the culture, especially in a time of radicalization of thought and historical transformations. In other words, the grotesque not only deals with bodies that break canons, but also with its own historical time. The same applies to the horror body that keeps a critical attitude as regards its own context: it is not casual that it broke out in 1970s, when the commercial terror abandoned the collective anxieties introduced by the Cold War, portraying instead an atomist conception of society characterized by the growing individualism and the influence of the media that separated the bodies.

² Translations into English are mine.

In that sense, the horror body is composed by images that seek to provoke a visual and ideological effect. They pursue a revelation and, at the same time, a wake-up call about the cultural imperatives that encourage to deny the irremediable biological processes: the construction of artificial lives and simulacra, the confinement in plastic surgery and rejuvenating treatments, the growing self-administration of medical and psychiatric therapy, and many other phenomena that accompany the global and postmodern cultural stage. These considerations, of course, lead directly back to the Romantic grotesque which expresses the fear of a cleaved subject who cannot reconcile with his world [10, 11]. Although he dispenses with the supernatural explanations, Cronenberg continues this tradition, confining his characters into their own biology so as to offer a tormented vision of the world from there: in terms of Bakhtin, one would say that this current grotesque “acquired a private ‘chamber’ character. It became, as it were, an individual carnival, marked by a vivid sense of isolation” [6, p. 37].

The Long Persistence of Grotesque Body: Current Expressions

That horror in and through a body seems then to be at the service of our own biological, and also cultural, precarity. It is an affirmation that can be validated when, in some current expressions, one follows that particular prolongation of the grotesque line. Clearly, cinema still is one of the privileged vehicles for this aesthetic: from *The Elephant Man* (Lynch, 1980) to *The Human Centipede* (Six, 2009) or *Thanatomorphose* (Falardeau, 2012), numerous films of the last decades have violently spread the mutilation or deformation of the bodies, recognizing more or less explicitly their debt with the New Flesh founded by Cronenberg.

But one can indeed argue that another set of narratives seems to show certain weakening of the horror body, at least in its hyperbolic and eager violence upon bodies. Such is the case of *The Curious Case of Benjamin Button* (Fincher, 2009), whose protagonist subverts the human growth, playing with the idea of irreversible time and composing a narrative where the body becomes a temporal prison; or the emblematic *Black Swan* (Aronofsky, 2011), where the search for perfection locks that young ballerina in a tormented body whose only possible liberation will be the animal metamorphoses. Another considerable number of films choose, in turn, a realist frame, portraying the advancement of diseases and even pandemic paranoia as *Contagion* (Soderbergh, 2011), a film that also seemed to foresee our experience with COVID-19. And these are only some examples that I mention randomly because, as Fredric Jameson sagaciously described [12, p. 651], this “reduction to the body” is a feature of postmodern massive culture whose films reduce “plot to the merest pretext” on which corporal shocks and explosions string (sci-fi and porn are also paradigmatic genres of this postmodern tendency).

Facing this proliferation of topics and genre variants, it is important to question when we consider a body to be a horror body: has the category of “horror body” lost its specificity, becoming a notion liable to describe any corporal ailment? Or is it that, as a consequence of the persistent repetition of the global market, we have naturalized that grotesque and even learned to coexist with it? My perception leads me to think that the horror body can still be valid category when it comes to describing a system of images, in a certain way tied to that awareness of the physical that Cronenberg promoted. Nonetheless, if, back then, the norms and discourses of science and biology could be read on those bodies, in recent times, the social order would be written in that corporal materiality: that it to say, the social rules that fix the limits of the corporal acceptable. I mean, a cultural hegemony that subdues the bodies to a new canon of “normality”, related to beauty standards, the cult-of-celebrity, and the upward social mobility: all of them motives that bloom in the global and postmodern cultural stage.

In this sense, I suggest that, today, the horror body seems to dispense with its aesthetic of physical deformity to give way to a degraded “perception” of the body instead. This a grotesque deprived of special effects that visually shock insofar as the focus is on the self-perception, like a grotesque body which characters experience from within, or from those “chamber intimacies” referred by Bakhtin [6, p. 105]. TV series are the territory where this variant is expanded, probably

because they dominate the international audiovisual market, striving to win over cinema's privilege place. At first, one could consider successful TV series as *The Walking Dead* (AMC, 2011-2022), *Black Summer* (Netflix, 2019) or even *Sweet Tooth* (Netflix, 2021), but here the body horror keeps many of its traditional senses, explaining one of the signs of our time: the viral contagion. However, in 2021, when the world was still being shaken by the pandemic, two TV series chose another way to represent the grief-stricken body, becoming representative of a new tendency that may still be shaping its borders.

One of them is *Physical*, launched by Apple TV. This show tells us about the emergence of the aerobic world in the 1980s, and narrates the story of Sheila, a perfect and beautiful housewife, apparently quite traditional, but who hides a secret: a strong eating disorder and a body dysmorphia that led her to bulimia. Yet, it is narrated in a parody-like style by showing, with certain grotesque, the protagonist's gluttony and lack of self-control when it comes to food, and the absurd ways in which she hides these practices. But the TV series also relates introspectively those grievances through the use of stream of consciousness. As a matter of fact, the first scene displays that perception when Sheila, in front of a mirror, underestimates herself ceaselessly: "embarrassing, pale, pasty, fat, gross, disgusting, lazy (...) look at you. Disgusting, sticky. Might as well just give up" [18]. Sheila's body pays the consequences of boredom of the suburban life and a marriage in which, in her own words, she feels "stuck" [18]. The protagonist neither assumes the passage of years, and she longs for the past, the time when she pursues political and cultural utopias, since she used to be part of those countercultural movements that put faith in the political idealism and the hippie subculture ideals.

Sheila then keeps a hold on that world which suddenly vanishes due to the growth of the mediatic and consumer culture that, unexpectedly, captures her. As a kind of epiphany, she discovers exercise videos and workout routines that emerged with VHS, and that actresses like Jane Fonda promoted. So, Sheila built up an empire as a fitness instructor model, even when her body will again be subdued to other pressures: extremes routines, steroids, strict diets and, above all, physical appearance. In both, married life and fitness world, the body always appears as a jail, as a control dispositif which suppress the subjects to the mandates of what is conceived to be a corporal normality in our recent historical context.

However, other TV series chose a lugubrious tone in order to exhibit this contemporary horror through the body, and this is the case of Netflix's *Brand New Cherry Flavor*. The show relates the journey of Lisa Nova in the 1990s, a Brazilian girl who aspires to be a filmmaker that settles in Los Angeles, more precisely in the cinema mecca: Hollywood. Lisa will rapidly get into the world of Hollywood superficiality; that is to say, self-centered and vain actors, obsessed with their physical appearance, and other that we will never get to know because their faces remained covered with plastic surgery bandages throughout the plot. Despite her dreams, Lisa will find a perverse environment, filled with deceptions and false promises, and she will be swindled by one of the most famous directors who stole her first tape. The recording of this rising star called "a young female Cronenberg" [1] is, in fact, a horror body film close to the gore, one which will gradually trespass her personal life when a kind of witch makes her an offer: to take revenge on the director and, at the same time, achieve the success she longs for. In turn, this shaman will demand a payment of "something inside you. Tasty" [1]: kittens that Lisa will vomit one by one. This scene is strongly grotesque, and reminds us Julio Cortázar's classic tale, "Carta a una señorita en París" ("Letter to a young lady in Paris", 1951), whose protagonist grows anxious because she pukes out little bunnies non-stop.

Brand New Cherry Flavor looks back at that literary tale, composing a parodic interpretation where another anxiety will emerge: the desperation to achieve success and thus repair a family abandonment. But, as the fame increases, Lisa's body pays unusual consequences: it undergoes a metamorphosis and deformities appear, while she keeps on vomiting other weird things as the witch feeds her with exotic and rare banquets. As can be seen, the role of food in this TV series is also important, rightly introduced by its title: flavors matter. However, this taste is the bittersweet flavor of the price paid for a provisional fame, and therefore it is not casual that *Brand New Cherry Flavor* locates that body in a historical period of media victory, reality shows, instant celebrities and

paparazzi that besiege personal life: a context where the body is subdued to permanent scrutiny by the show-biz, without opportunity to preserve their privacy.

Both series, in the border of black humor, work different fears that were born in the culture of the image. They demonstrate that, up to some extent, all horror body contains certain carnivalesque spirit because of their way to parody and exaggerate the limits of corporal materiality, but also this TV series suggest that, as Cronenberg once said, “to film terror is always to walk the thin line between horror and the ridiculous” [in 16, p. 89]. Still, it is evident that, through a humor quota, the current narratives can propose certain historical revisionism of a hinged moment when the consumer culture expands, swallowing the bodies: the last bastions where subjectivities can shelter, as Jameson rightly hypothesized [12]. And I could not only refer to corporality, because both stories develop in a daily environment, paralleling the loss of control over the body with the deterioration of intimacy and family as an institution. I would then say that, behind those bodily material metamorphoses, lie some cultural mutations: the decline of family as a utopia, and the siege of media culture which turn privacy into public. It is a horror body that seems to be closer to Kafka than Shelley, as the Kafkian monster refuses to coexist with the monstrous body that suddenly he no longer recognizes, becoming aware that he has always been cornered in the bureaucratic boredom of daily life.

Either way, the tradition of Gothic horror is a grotesque that remains attentive to the new sensibilities that appear in the culture horizon, finding creative methods to become aware of our own bodily participation in the world. In this article, I have only glimpsed some general features in order to draft a complex hypothesis, even an immeasurable one when one observes the broad system of grotesque-horrific images expanding in our culture: the celebration of a monstrosity in the streets on Halloween, the grotesque performances of artists with a great mercantile attractive like Lady Gaga, the craze for piercings, tattoos and scarifications that fashion consecrate as “body art”, but also other disturbing phenomena, like the ceaselessly attempt to stop aging with plastic surgeries and digital filters, the increase of eating disorders in the youth, the accident and torn bodies that go viral on social media, the genetic manipulation in every realm of living beings, and the mutations caused by nuclear contamination and agrottoxins.

In this context where nature give constant signs of exhaustion, and where the accelerated mutation of an unexpected virus that will eventually use every letter of the Greek alphabet, the representation of corporal materiality takes a central place, claiming an investigation more extended and systematic. Certainly, little remains of the utopian and collective encounter celebrated by the Rabelaisian carnival, because those grotesque bodies reveal the horror of our physical fugacity, encouraging us to question about the ephemeral character of our existence. On the whole, however, it would seem clear that is also proof of the artistic and heuristic force of a grotesque that always speaks its own time. Because, as Bakhtin taught us, in the unfinished metamorphosis of grotesque images what is finally read is “the relation to time, its perception and experience, which is at the basis of these forms was bound to change during their development over thousands of years” [6, p. 48].

References

1. *Antosca N.* [Creator]. *Brand New Cherry Flavor* [TV Series]. United States: Netflix, Universal, 2021.
2. *Arán P.* *La herencia de Bajtín. Reflexiones y migraciones.* Córdoba: Edicea, 2016.
3. *Arán P.* “A paisagem cultural da pandemia – cenários e grotesco”. In: *O grotesco de nossos tempos: vozes, ambientes, horizontes. VIII Rodas de Conversa Bakhtiniana.* São Carlos: Pedro & João Editores, 2021, pp. 1808-1821.
4. *Bakhtin M.* “Forms of Time and of the Chronotope in the Novel”. In: *Mikhail, B. The Dialogic Imagination: Four Essays by M. M. Bakhtin.* Translated by Michael Holquist and Caryl Emerson. Austin: University of Texas Press, 1981[1938], pp. 84-258.
5. *Bakhtin M.* *Problems of Dostoevsky’s Poetics.* Translated by Caryl Emerson. London: University of Minnesota Press, 1984[1963].
6. *Bakhtin M.* *Rabelais and his World.* Translated by Helene Iswolsky. Bloomington: Indiana University Press, 1984[1965].

7. Bakhtin M. "Adiciones y cambios a Rabelais". In: Bubnova, Tatiana *et al.* En torno a la cultura popular de la risa. Nuevos fragmentos de M.M. Bajtín. Barcelona: Anthropos, 2000[1944?], pp. 165-218.
8. Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London: Pluto Press, 2002.
9. Gómez Ponce A. "Who's Afraid of Lotman and Bakhtin? Two Semiotic Readings of Fear". In: Bakhtiniana. Revista de Estudos do Discurso, 15(4), 2020, pp. 29-45.
10. Gómez Ponce A. "Volver a Bakhtin. Sobre el Gran Tiempo y su potencia semiótica en la cultura posmoderna". In: Merkoulouva, Inna y Suárez-Puerta, Bianca [comp.]. Reflections on Paths, Scenarios, and Semiotics Methodology Routes. Bogotá: International Association of Semiotics (IASS), 2021a, pp. 60-81.
11. Gómez Ponce A. "El lado oscuro del grotesco bakhtiniano. Fragmentos sobre lo terrible". In: O grotesco de nossos tempos: vozes, ambientes, horizontes. VIII Rodas de Conversa Bakhtiniana. São Carlos: Pedro & João Editores, 2021b, pp. 664-671.
12. Jameson F. "The End of Temporality". In: Jameson, F. The Ideologies of Theory. New York: Verso, 2008, pp. 636-658.
13. López Cruz R. A. "Mutations and Metamorphoses: Body Horror is Biological Horror". In: Journal of Popular Film and Television, 40, 2012, pp. 160-168.
14. Müller M. Pandemia: virus y miedo. Una historia desde la gripe española hasta el coronavirus Covid-19. Buenos Aires: Paidós, 2020.
15. Orta M. Los cuerpos fuera de control. El cine de David Cronenberg. Buenos Aires: Cuarto Menguante, 2019.
16. Rodley C. Cronenberg por Cronenberg. Translation by Javier Mattio. Buenos Aires: Cuenco de Plata, 2020[1992].
17. Roth E. [Creator]. "Body Horror". In: Eli Roth's: History of Horror [Documentary TV Series]. Season 2. United States: AMC, Asylum Entertainment, 2019.
18. Weisman A. [Creator]. Physical [TV Series]. United States: Apple Inc., Tomorrow Studios, 2021.
19. Williams L. "Film Bodies: Gender, Genre, and Excess". In: Film Quarterly, 44 (4), 1990, pp. 2-13.

Ужасы тела: Заметки о Михаиле Бахтине и образах гротескного тела

©Ариэль Гомес Понсе

*Ариэль Гомес Понсе, доктор философии (в области семиотики)
ассистент-исследователь Национального исследовательского совета (CONICET),
Центр изучения и исследования культуры и общества (CIECS),
Университет Кордовы
E-mail: arielgomezponce@unc.edu.ar*

Кордова, Аргентина

Аннотация: В статье предлагается интерпретация концепции тела в фильмах ужасов как исторического продолжения теории гротескного образа тела М.М. Бахтина. Статья демонстрирует актуальность теории Бахтина для изучения современных реалий, в которых материально-телесный принцип взаимодействует с описанием периодов культурных мутаций. В историческом переходе от кино к современным телесериалам гротеск телесного ужаса обнажает телесное самосознание, раскрывающее наши биологические и культурные страхи, многие из которых связаны с определенными постмодернистскими трансформациями.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, боди-хоррор, гротеск, телевизионный сериал, постмодерн.

History as a Dialogic Process: the Case of Frank Lloyd Wright

© 2022 Martin Nystrand

*Martin Nystrand, professor at the Department of English
University of Wisconsin-Madison
E-mail: mnystrand@ssc.wisc.edu*

University of Wisconsin-Madison
Madison, Wisconsin, USA

Annotation. This theoretical essay elaborates an approach to historiography using dialogic concepts to construct histories, noting that some utterances are more important than others depending on context and continuously open to revision; as Bakhtin argued, there is “no final word.” My analysis elaborates the role of *re-enlightenments*, which I define as cognitive, historical, personal, and cultural transformations of understandings replacing old with new. In this scheme, re-enlightenments function as keystones celebrating events, which demarcate and shape both *downstreams* and *upstreams*. Downstreams concern the consequences of re-enlightenments, including the impetus to construct histories. Upstreams are about the foundational events that are said to memorialize the event. Dialogically histories are generated in these upstreams; they may be identified/selected downstream as noteworthy events in the past, but their selection and treatment occurs upstream after the fact. A case study follows tracing the re-enlightenment of American architect Frank Lloyd Wright from Oak Park (Illinois, USA)’s *bête noir* to recognition as America’s greatest architect, not as chapters of a career but rather a sequence of competing narratives.

Keywords: addressivity, dialogism, re-enlightenments, history, upstream, downstream.

Introduction

Dialogic processes were the focus of Mikhail Bakhtin and his colleagues Valentin Volosinov and Pavel Medvedev, in a group that has come to be called the Bakhtin Circle and whose work together in the early twentieth century, has come to be known as Dialogism. Bakhtin came to be regarded as a Russian philosopher, literary critic, semiotician and scholar who worked on literary theory, ethics, and the philosophy of language. His writings, on a variety of subjects, has inspired scholars working in disciplines as diverse as literary criticism, philosophy, sociology, anthropology, pedagogy, rhetoric, composition, and psychology.

The core of Bakhtin’s work was best captured by his principle there is “no final word.” For Bakhtin, every utterance is a response to another utterance. Discourse itself unfolds in time in a sea of competing voices in a process he called heteroglossia (Bakhtin, 1934). And though Bakhtin worked extensively with language and literature, he never explicitly theorized history as fully as he did discourse.

There are several reasons for this gap. In 1928, he was arrested for political reasons but was then moved in 1930 for health reasons to Kostanay where he worked as book-keeper and wrote several important essays and books, including *Discourse in the Novel*. In 1938 he devoted himself to a book on Goethe with important ideas believed to include historical processes. In 1940 this work suffered near total destruction when his publishing house, which was preparing the manuscript for publication, was destroyed in a Luftwaffe bombing. Little survived, and he is said to have used the remaining paper, in the desperate times of World War II, to roll tobacco into cigarettes, which he smoked.

In any event, many of Bakhtin’s ideas about historical processes may be gleaned or inferred from work published before his arrest and exile. It is possible for example to envision history as sequences of utterances, particularly remembered utterances. To make such an approach work, however, requires recognizing that some conversations and utterances are more memorable than others, and understanding that just what is remembered can decline or become salient over time. To use Bakhtin’s utterances in this way requires a particular refinement I explain in my theory of re-

enlightenment, which is the central focus of this paper.

Re-enlightenments are cognitive, historical, and cultural transformations of understanding in which the new replaces the old. It applies to everything from personal life-changing events to historical shifts. For example (and my main example in this paper), Chicago suburban architect Frank Lloyd Wright's transformation from Oak Park's *bête noir* to his characterization as America's greatest architect (and all the events in between) a series of historical and cultural re-enlightenment. It is re-enlightenments (plural), not enlightenment, because, like Piaget's schemata (plural), re-enlightenments are continuous, one setting the frame for those that follow.

In this way re-enlightenments function as keystones or remembered and celebrated events demarcating and shaping both "downstreams" and "upstreams." Downstreams concern the consequences of the re-enlightenment, including the impetus to construct histories, as well as related recollections, stories, commemoratives, recollections, documentarians, legends, myth, gossip, and awards. In Wright's case, for example, these include the denigration of his character related to his European assignation with Mamah Cheney as well as departure from Oak Park to build Taliesin in Wisconsin, USA. Upstreams are always constructed in the downstream after the transformative event, such as construction of Wright's design for Fallingwater, and recognition of certain events as seminal in his identity as a pioneer in his field, including the recognition of the Prairie School of Architecture. Ironically, the upstream, as meticulously supported by a record, is constructed downstream of a re-enlightenment, memorializing what was and is to be remembered. In this mix, the transformative event is primary, both defining and configuring upstreams and downstreams. Histories are to be understood as generated in these upstreams; they may be identified /selected downstream as noteworthy events in the past, but their selection and treatment occurs upstream after the fact.

In this paper, we begin by reviewing central concepts of dialogism and noting some of its limits in dealing with history and historiography, as noted by scholars such as Brandist (2004), Lindsey (1993), and Sempere (2014). I then propose new uses of Bakhtin's and Vološinov's concepts to address these issues and present a case study of the re-enlightenment of Frank Lloyd Wright as an example of such an approach. I close with a summary of additional re-enlightenments.

Bakhtin and the Bakhtin Circle's Dialogic Semiotics

Bakhtin's fundamental unit of language (i.e., discourse) is the utterance ranging "from a short (single-word) rejoinder in everyday dialogue to the large novel or scientific treatise... A given utterance is preceded by the utterances of others, and is followed by [ends with] the responsive utterances of others" (Bakhtin, 1986, p. 72). Yet discourse is dialogic not because the speakers take turns. Discourse is dialogic, rather, because it is continually structured by reciprocity and tension – indeed even conflict – between and among the conversants, between self and other as one voice "refracts" another (Nystrand, 1986, 1997). It is precisely this tension – this relationship between self and other, this juxtaposition of relative perspectives and struggle among competing voices – which for Bakhtin gives shape to all discourse and hence lies at the heart of understanding language as a dynamic, sociocognitive event. And the meaning of an utterance is partially determined by the voice it is answering, anticipating, or even striving to ignore. Speakers' voices and writers' texts have potential for meaning which unfold and are realized by listeners' and readers' responses.

Which is to say, an utterance/word is marked by "addressivity" and "answerability" (Volosinov, 1973; Bakhtin, 1986). Addressivity means an utterance is always oriented to a listener/reader whom the speaker/writer assumes will process a sentence into a meaningful exchange. Answerability means that speakers/writers always address their utterances to someone who they assume can generate a response and anticipate an answer. The speaker/writer talks/writes with an expectation for a response, agreement, sympathy, [or] objection. Or as Rommetveit (1974) puts it, "We write on the premises of the reader and read on the premises of the writer" (p. 63).

Discourse in the Novel provides Bakhtin's examples par excellence of addressivity and answerability where characters continuously interact face to face. Volosinov (1973) extends this conception to written texts: "A book... is also an element of verbal communication. It is something

discussable in actual, real life dialogue, but aside from that, it is calculated for active perception, involving attentive reading and inner responsiveness” (Volosinov, 1973, p. 95).

This concept of discourse is fundamentally different from the common view that utterances are independent expressions of thoughts by speakers, an account that starts with thoughts and ends with words. For Bakhtin and Volosinov, a given utterance is always already embedded in a history of expressions by others in a chain of ongoing cultural and political moments. History is at the root of dialogic refractions.

Bakhtin and History

We now examine dialogic takes on history, noting particularly the challenges of dialogism in formulations of Great Time. Working with Bakhtin Circle, for example, Vološinov argued for a contemporary interaction of the conversants. In a famous passage he poetically argued that:

Word is a two-sided act. It is determined equally by whose word it is and for whom it is meant. As word, it is precisely the product of the reciprocal relationship between the speaker and listener, addresser or an addressee. Each and every word expresses the “one” in relation to the “other.” I give myself a verbal shape from another’s point of view, ultimately, from the point of view of a community to which I belong. A word is a bridge thrown down between myself and another. If one end of the bridge depends on me, then the other depends on my addressee. A word is shared by both addresser and addressee, by the speaker and his interlocutor. (Vološinov, 1973, p. 86)

For Vološinov, particularity of meaning hinges on “interindividual territory,” which requires the two individuals to be a socially organized group (a social unit). One might imagine Vološinov’s conversants were contemporary colleagues or conversants, though his inclusion of “purported addressees,” i.e., readers, extend the utterance in time. In the end, however, Vološinov argued that “forms of signs are conditioned above all by the social organization of the participants involved and also by the immediate conditions of their interaction” (Vološinov, 1973, p. 21). In this formulation, we may understand the scope and time frame of a concrete utterance and how it responds to previous utterances while anticipating subsequent utterances. In effect, Vološinov’s concrete utterance rooted in its immediate social situation and the broader social milieu (Vološinov, 1973, p. 86) inflates the scope of histories to be told.

For his part, Bakhtin expanded the scope of addressivity by referring not to conversants but rather the discourse itself, viz. “already uttered,” the “already known,” the “common opinion” and so forth (Bakhtin, 1981, p. 279).

Related to these distinctions, scholars have recently noted uniquely dialogic difficulties in writing histories, in particular due to the unfinalizability of history. For example, William Lindsay (1993) notes in his incisive essay, “‘The Problem of Great Time’: A Bakhtinian Ethics of Discourse,” that for Bakhtin, history is boundless: “There is neither a first nor a last word and there are no limits to the dialogic context” (Bakhtin, 1986, p. 170). Every word is but one in a chain of utterances stretching back to the beginning of human time and forward to its end. Lindsay asks, if history is unfinished, how does one deal with “the brute reality of past and present”? The short answer by this logic one can’t.

And finally Julio Peiró Sempere notes, Bakhtin warned us that to enclose a literary work within the boundaries of a single epoch, even if it is its own, may fail since “works break through the boundaries of their own time, they live in centuries, that is, in *great time* and frequently (with great works, always) their lives there are more intense and fuller than their lives within their own time” (Sempere, 2014, p. 152).

The Case of Frank Lloyd Wright

We now proceed with a case study of Frank Lloyd Wright, including some notes based on an autobiographical narrative inquiry of the author, laying out in dialogic terms the dynamics of re-

enlightenment.

To undertake an account of history as a dialogic process, we look closely at the life and career of Frank Lloyd Wright in case study. Wright is ideal for such a study for several reasons. First, he had a very long and productive life stretching from the time of the American Civil War (born 1867) to World War II and beyond to the America-Russia space race, dying in 1959. In all he published twenty books and many articles and was a popular lecturer and widely quoted in the United States and Europe.

Oak Park, Illinois was the site of Wright's home and office where, in this earliest phase of his career (1898-1909), he produced a third of his life's work. Surviving a turbulent biography and many harsh architecture reviews, Wright was nonetheless recognized in 1991 by the American Institute of Architects as "the greatest American architect of all time." Since 2012, Wright's work has been archived by the Avery Architectural & Fine Arts Library at Columbia University, New York City. His oeuvre clearly resides in Bakhtin's Great Time, noted for such works as Taliesin (1911), Fallingwater (1937), Robie House (1908), Prairie style houses (1930s), Oak Park's Unity Church (1905), Darwin Martin House (1904), First Unitarian Society of Madison (1941–1951), and New York City Guggenheim museum (1959). These are regarded as the great works now. This is to say, using Bakhtin's contrast between official and unofficial discourse, these works are part of official architecture; most of Wright's early work was unofficial architecture though many of designs eventually became regarded as official. As Bakhtin wrote, "There is no final word."

In his early career in Oak Park, he was locally celebrated at the time – at least among some neighbors – for early works in Oak Park, e.g., the 1905 Unity Church and several homes on Forest Avenue in Oak Park – these artifacts did not gain wide or official recognition as seminal work until much later. This early period in Wright's career was frequently controversial with vibrant, even intemperate exchanges of views about Wright and his work. Large numbers of Oak Parkers detested him (Frank Lloyd Wrong!) while a small but loyal circle of neighbors celebrated him and hired him to design their homes. This process continued for decades and helps us understand history as a dialogic process. In dialogic terms, the early works of Wright from this time may be understood as unofficial architecture whereas key sites e.g., the Robie House built in 1908, but not recognized until 1963; Taliesin, built three times starting in 1911; the Darwin Martin house (1904); and even some of his Oak Park houses on Forest Avenue, e.g., the Winslow house (1893-94) – are now routinely recognized as official architecture. This analysis of Wright's early efforts in Oak Park may largely viewed as a crucible affording a dialogic view of how unofficial architecture can become official.

Parts of this paper are autobiographical. I grew up in Oak Park and was a sophomore in high school when Wright died. His home and office were at the time boarded up, and his presence had dwindled to a quiet controversial echo of earlier times. Decades later, I also came to experience Wright's Taliesin first hand when my wife and I hired Charles Montooth, one of Wright's original apprentices, to design a Usonian house for our family when we were living in Madison, Wisconsin. Meetings with Montooth at Wright's Taliesin gave me considerable insight to Wright's studio and architectural development Oak Park, Illinois.

When I graduated from Oak Park and River Forest High School in 1961, I already knew – and savored – the curious fact that the town's very own world-famous writer Ernest Hemingway had received a D in English within those same walls, and that he had described our mainly Protestant and white upper-middle-class suburban town as suffering from "wide lawns and narrow minds." I can still construct with perfect clarity in my mind's eye Wright's house and office (now Home and Studio) and above all his Prairie-style Unity Temple, now a Unitarian Universalist church. As a boy, I also recall visiting Wright's Frederick House then under construction in nearby Barrington Hills, Illinois. My parents and the owners had been close friends, and we were invited to see the architect's vision take form.

And yet, this celebrated icon of architecture became part of the official memory of Oak Park only much later, a development that struck me when I returned to the town for my fiftieth-year high school class reunion in 2011. Wright's buildings had been in the neighborhood for a century. I had walked past some on my way to and from high school, but fifty years later they were celebrated

destinations for countless sitors. His house and office had become the Wright Home and Studio, a gift shop and tourist center, and busloads of international visitors toured Wright's structures along Forest was Avenue. Oak Park had re-enlightened him.

Wright had been canonized, and his Oak Park legacy was firmly established for future generations. Oak Parkers had died or conveniently forgotten, suppressed, or let fade the memory of the local genius whose reputation had in its day been marred by his bohemian inclinations. In 1909, he had been ostracized for having abandoned his wife and their six children, and running off to Europe with Mamah Cheney, the wife of one of his clients. Tensions among Oak Parkers ran high between Wright's design gifts, on the one hand, and his bohemian proclivities, on the other. Many of his former neighbors would cross the street rather than say hello or even acknowledge him. Even before his affair with Cheney, his untraditional buildings were controversial. A vintage (1905) Oak Park post card featuring his house and studio and labeled only as "The House Built Around a Tree" – no mention of Wright.

By the time of my high school reunion, Wright's bohemian ways had become a footnote in an extensive legacy. This clash of reputations perplexed me as I recalled my daily walks past the Cheney house to and from high school. Wright's inappropriate conduct earned him the status of pariah on the front page of the *Chicago Tribune*, and put an end to his Oak Park architecture practice. He left town in 1911, returned to Wisconsin, where he was born, and with the Villa Medici in Fiesole still in mind from his European escape with Mamah, built Taliesin in Spring Green (Secrest, 1992, p. 209).

After Wright escaped Oak Park for Wisconsin, Wright's abandoned wife Catherine used to say that she "kept" the Oak Park house and office; terms like "preserved" or "conserved" might have implied some lingering affection. Yet the house and office were all she had after his moving away in 1911, and the place was no doubt marred in bitterness. She refused her husband a divorce because she knew that Wright would never pay alimony or child support. Indeed, the townsfolk were aware that this was a man who had not only abandoned his family but also left them an unpaid grocery bill of over \$900, the equivalent of more than US\$27,000 today in 2022. For Catherine the house had little to do with Wright's legacy – indeed, 1912 was too early to speak of Wright's legacy. Catherine hung on to it because it was her only asset. She sold it for a song in 1930 when she remarried. By the 1960s, it was in serious disrepair, and if not for a local builder, Tuscher Roofing, this important historical site might have crumbled into oblivion. Tuscher took control of the property in 1974 and began a thirteen-year restoration, reinforcing the common wisdom that fixing up a Wright building starts with the roof.

Wright's Home and Studio were listed on the National Register of Historic Places in 1972 and declared a National Historic Landmark four years later. This period marked the re-enlightenment of Wright's rehabilitation in Oak Park; he was no longer regarded simply as Oak Park's *bête noir*.

This brief account of Wright's early career, starting in Oak Park and culminating in his construction of Taliesin in 1911 (and twice reconstructed after fires in 1914 and then 1937) ultimately helps us understand history not as an accretion of facts (cf. Carr, 1961, 1987) that ends with an official history of consummated truths about the way things were, but, rather in dialogic terms, a series of conversations about his architectural gifts and subsequent narratives about his liaison with Mama Cheney, their abandonment of their families, and their voyage to Italy. In Bakhtin's terms, official histories are "monologic" and closed off.

By revisiting our cultural, intellectual, and moral beliefs, both shared and personal, we may come to see that we sometimes live according to temporarily convenient truths. As a high school graduate from Oak Park, Illinois, later as a teacher and scholar, and now as a professor emeritus and author I have grown increasingly conscious of this phenomenon.

Oak Park Rediscovered Frank Lloyd Wright

Wright died on April 9, 1959; his wife Catherine had died only two weeks earlier. His sudden passing, fifty years after he left Oak Park, found the community largely unresponsive. The old-timers who had known Wright's scandals firsthand were mostly gone, and only a few admirers who

had actually known him were still living in Oak Park. The local newspaper, *Oak Leaves*, noted Wright's death on Thursday, April 16, 1959, in an article titled "1888–1916." Written by Leith Scott, who knew Wright and had interviewed him on several occasions, the article mainly recounted Wright's Oak Park career. The title's dates are somewhat puzzling, given that Wright was born in 1867 and died in 1959. It is true, however, that Wright moved to Oak Park in 1888. And though the year 1916 is unexplained, after Wright's departure with from Oak Park with Mamah Cheney in 1911 – which Wright called "voluntary exile" – several of his associates continued what architect and Wright colleague Marion Mahony Griffin called the "Chicago group" traditions, and the year 1916 is sometimes cited as the end of this period (Pfeiffer, 2001).

It took yet another week in 1959 for the local newspaper to publish an official obituary. Titled "A Great Villager," it began tepidly: "These villages, like any community, are what they are because of the influences of individuals, past and present." The article's penultimate line probably best captures the tipping point when Oak Park could acknowledge Wright's eccentricities and at the same time celebrate his towering contributions to the local community and to art and architecture internationally: "All of us can mourn his death, remembering his brilliance and making allowance for his human weaknesses."

History, it would seem, can indeed be changed. When I was in high school, Wright's houses and community were all there as apparently unchangeable "facts." But change history we do. As we engage events and individuals in the context of contemporary circumstances – as we look back to a past we never experienced. An individual once blighted can become recognized as a genius or a "man about town" (or both), and it's a few contemporaries and increasingly others that follow who make this happen.

Sabrina Tavernise examines the selectiveness of memory giving such examples as "Turkey's blank spot where the Armenian genocide should be." Or Japan with its squeamishness about its aggression and mass murder in China." After the fall of the Soviet Union as more sources documented Stalin's atrocities, Russians nervously papered over accounts of their past by celebrating Stalin as "the man who led the Soviet Union to victory in World War II and industrialized a peasant nation" (Tavernise, 2017).

Oak Park's rediscovery and rehabilitation – re-enlightenment – of Wright happened in the 1970s and 1980s when enough people who detested him died or had left the scene and a few, mainly from beyond Oak Park, discovered, rediscovered, and celebrated his work. It would fall to later generations to fix "the way it was," reconfiguring current understandings. Or in dialogic terms, remembering brings the past into the present by recreating or revising it. As Judith N. Shklar writes, remembering is "drawn out of a general, cultural, not a private consciousness, and made explicit" (Shklar, 1976, p. 50). In Wright's case, the concept of a "Prairie School" of architecture and design was coined at the same time that the house and office became the Home and Studio. As Gary Taylor (1996) tells us, history is ultimately "not what was done but what is passed on."

In short, we best understand history not as the cumulative accretion of "the way things were." Carr rejected this empirical view of the historian's work as "an accretion of 'facts' that he or she has at their disposal as nonsense" (Carr, 1961, 1987 2nd ed. New York: Vintage,). See also Aaron's (1961) refutation of histories as the "aggregate of little facts" (*Dimensions de la conscience historique*, Plon, 1961). Rather than history as fulsomely footnoted and commonly shared, Bakhtin's framework of utterances may be used to treat history as personal and official narratives unfolding in contemporary settings, including both past and present interactions.

Wright's homes in Oak Park have been there since they were built, but through the process of re-enlightenment their status and currency have been revised. Memory along with history, personal, communal, and organic, morphs over time.

A more recent example of this re-enlightenment is Monona Terrace, a convention center on the shore of Lake Monona in Madison, Wisconsin, which Wright first designed in 1938. At the time, the city council vilified Wright and his proposal, which was rejected by one vote. In 1959, the state legislature passed a zoning ordinance prohibiting the construction of any buildings along Lake Monona taller than twenty feet, a regulation motivated solely to stop construction of Monona Terrace.

It was only in 1992 that Madison finally resolved to build the Monona Terrace Community and Conference Center. Tommy Thompson, Wisconsin's pro-business Republican governor at the time, became a vigorous Wright supporter after a trip to Japan, where he learned that Wright was Wisconsin's favorite son in that country. In other words, Wright was good for Wisconsin business in Asia. In the end, Wright's proposal to build Monona Terrace had bipartisan support from the governor and the state legislature to the city council and the mayor of Madison at the time, Paul Soglin. Construction began in 1994; doors opened in 1997.

I have followed Wright's career and evolving identity with great interest from my youth in Oak Park to my present in Madison, but I didn't always see him as I do now. Like many of my high school classmates, I was aware of Wright and could point out his buildings. But my understanding and regard for him changed; I too have participated in Oak Park's re-enlightenment of Wright. When I travel on business, I make sure wherever possible to visit nearby Wright houses, and over the years this pursuit of Wright has become as much about my personal journey as about his memory – a parallel narrative about the development of my understanding of Wright's architecture and the evolution of my own sensibilities.

My oldest childhood memory is that of a preschooler building a "wall" of Cheerios in a window sill of my home. In time my fascination morphed into woodworking and a walnut end table in a high school course in woodworking (my work was always late but graded A). Today – 62 years later – this little table is my unfailing loyal companion for morning coffee and daily news sources. When I was a high school teacher, I rehabbed every apartment I rented. Later as a beginning professor, I took to rehabbing houses I lived in, but it wasn't until I reached the University of Wisconsin-Madison that I rediscovered Wright. His seminal first Usonian house (Jacobs I) was within walking distance of my home and was opened to the public for tours. I was soon under his spell, learning many of his secrets by building replicas, for example, of the Jacobs screen door and discovering the logic of his designs. At the same time, my wife inherited a southern Wisconsin woodland, which led to our discovery of Wisconsin prairies and their foundation for Wright's Prairie Style. As one thing led to another we hired one of Wright's still living apprentices to design a house for us in our woodland. (For a view and tour of the house we did build, see Nancy's Shangri-la). By this point I had no difficulty agreeing with the consensus that Wright was America's greatest architect.

The novel *Memoirs of a Geisha* by Arthur Golden, published in 1997, usefully delineates Wright's Japanese tours, from the first journey when he bought Hiroshige woodblock prints for pennies and later sold them for thousands of dollars in the US – they were a main source of income in the 1920s when Wright could barely scare up commissions here – and his work in Japan, particularly the Imperial Hotel in Tokyo. Japan was where Wright advanced his use of cantilevers and learned the spirituality of horizontal lines, and where he learned to trim roof fascia with dentils. Wright stole a lot from Japan – as Picasso said, good artists borrow, great artists steal – but barely mentioned its influence beyond a general admiration for Japanese aesthetics and the Hiroshige woodblocks he hawked.

In 1961, the day before I went off to college at Northwestern University, I gave a cello recital at the River Forest Women's Club, designed in 1913 by William Drummond, who had previously served as Wright's chief draftsman. Today it's a private home, and it couldn't be more Wright-like (even if it's now painted green). For me, in 1961, it was just a place I gave a recital. It was only on a recent visit, in the midst of my own re-enlightenment, that I registered Wright's influence, including banded casement windows with extended eaves and the dramatic opening from a small lobby into the auditorium. It was a duh moment – it had been there for 60 years. I played my recital there in 1961. But I didn't understand Wright's clear influence until 35 years later. I was particularly impressed at my 50th-year high school reunion to note the extent of Wright's rehabilitation. Signs at every major intersection with major streets entering the village pointed to his Home and Studio. Tour busses lined up at his Home and Studio on Forest Avenue, including many international visitors. Wright was Oak Park's most prominent tourist draw. Amazing. Re-enlightenment.

Frank Lloyd Wright's History

So just what is the dialogic history of Frank Lloyd Wright? How did an untrained architect originally from rural Wisconsin who had been shamed by his previous suburban Chicago clients go on to become known as the world's greatest architect? Clearly this history is complicated, with many competing, even combative narratives and has been told in many variations in different forms with endless revisions, starting, for example, with Wright's early Oak Park presence when he designed several houses on Forest Avenue and other local sites. Then his history was bits of gossip as his clients buzzed about (and hired) the young, new architect from Wisconsin. That was Wright's history from the first decade of the 20th century. After Wright returned from Europe with Mamah Cheney in 1910, any account of his activities would have been local in renewed gossip and, more widely, in inflammatory newspaper stories.

His local 1959 obituary, published when I was in high school, perhaps marks a tipping point in his reputation, and by the 1970s, his homes and career were celebrated as events marked by long lines of visitors and tourists at his Oak Park Home and Studio.

This history dates circa 1972 when he was declared principal architect of the Prairie School, a term Wright himself never used, and when his house and office became re-enlightened as the Wright Home and Studio, this account minimized his scandal with Mamah. Indeed, by the 1990s, more than three decades after his death, in addition to scores of books, articles, and exhibitions about him, Wright was the object of unique hagiographies in opera, drama, and fiction, all of which refracted the understandings of their time. Finally (at least for now), the Avery Architectural & Fine Arts Library in New York City – the final resting place of Wright's drawings and models – collaborated with the Museum of Modern Art to produce yet another major exhibition, *Frank Lloyd Wright at 150: Unpacking the Archive*, which ran from June 12 to October 1, 2017. These numerous re-enlightenments, each with its own story, thus constitute more than a narrative history. Together they form a dynamic history of histories, which is to say history as a dialogic process.

History as a Dialogic Process

One might argue that these episodes are but “chapters” in Wright's biography. However, re-enlightenments not only elucidate people and events; they also recontextualize transformative events, such as the scandal that forced Wright to abandon his practice in Oak Park. A dialogic history of Wright's career derives not from a process of accretion excavating facts, persons, and events from archives and other sources. Over time, the story of Frank Lloyd Wright shifted significantly with many ups and downs. In this example we can see that history is a dynamic narrative continuously re-enlightened and revised by contemporary events, leaving behind trails of multiple, often competing histories. Each account re-enlightened Wright in the eyes of the public, recasting both a downstream (personally scandalous identity when he returned to the United States with his client's wife and ultimately architecturally heroic by the time of Fallingwater) and an upstream addressing its foundation at every turn.

History is normally understood and practiced as the investigation of the past as it is described in written documents. In their research, historians examine memories, make discoveries, collect data, and organize the results for presentation of information about these events. The resulting interpretations tell stories, i.e. histories, of these events, but their accounts do not involve the addressivity Bakhtin viewed as the core of writer-text engagement. In short, historians read nondialogically, and, when this is so, the resulting histories may be regarded as monologic Official Histories (here's the way things were).

By contrast, history as a dialogic process singles out chains of utterance that generate re-enlightenments and so gain currency. In the resulting accounts, some utterances are more important than others. The dialogic historian's analysis, furthermore, is bifurcated. For events illuminated by re-enlightenment and so deemed worthy of remembrance, e.g., the crucifixion and resurrections, there

is a downstream traced by the responses, e.g., Christianity and the Holy Roman Empire, that unfold from the re-enlightenment itself. Dialogic histories then focus on the utterances and their responses that are properly understood upstream as foundational to the re-enlightenment itself. These dialogic histories take the form of narrative; there is no history without a narrative.

Such transformations shape our everyday experience. One day I meet someone I didn't know – someone who previously was “nothing” to me – but who today is “my best friend” or “someone I had rather never met,” i.e., a “someone.” Today, retired, with time to probe family scrapbooks as well as high school yearbooks and the “junk” (i.e., “nothing,” at least for now) in my basement, with plenty of leads to follow up on Google, I understand in retrospect how high school classmates – my tennis mates and the girlfriend I haven't seen in fifty years – were keys to my formative development. Likewise my senior-year Expository Writing teacher sparked an entire academic career, including thirty years of funded research.

One day a no-one, Frank Lloyd Wright, was Louis Sullivan's draftsman. Six decades later, when most of his detractors had died and his fame had spread worldwide, he emerged by wide consensus as “the greatest of all American architects,” and, along with Ernest Hemingway, a major tourist attraction for the village of Oak Park. As Wright and Hemingway came to be canonized, “nobodies” became “somebodies.”

One day, a carpenter called Jesus of Nazareth preached to followers in Galilee. He lived and died a Jew and never knew he was a Christian. This “someone” we all know didn't coalesce for two hundred years after his death, and largely because the preacher's reported rise after death came to be sanctified as the Resurrection. Today our secular calendar is predicated upon his birth, and most of us don't give it a second thought as we date our checks and schedule appointments.

In the sixteenth century, René Descartes founded modern philosophy, famously announcing, “I think, therefore I am.” Nearly three centuries later, Edmund Husserl (1970, 1979) revised this argument, insisting that we never just think, but rather we always think of “something.” Herewith, Husserl posited consciousness as the key mechanism that routinely and daily transforms “nothing” into “something.” Science proceeds accordingly, though in a more systematic and rigorous manner. Nonetheless, both everyday experience and scientific investigations are interpretive activities routinely yielding new and revised somethings as they come to be consciously apprehended by humans. Our consciousness is the “hermeneutic workspace” (Straight, 1977) that enlightens, or “re-enlightens,” as the case may be, everything we encounter. We normally take these illuminations for granted, assuming they connect us directly with the “real” world – compelling us to believe in “the world as it is” – yet research in psychology and science and their histories routinely show this not to be the case. We continuously conflate the world and people beyond us with our interpretations and understandings of them. It is our consciousness that continuously and actively transforms “nothings” into “somethings,” as well as “nobodies” into “somebodies,” and re-enlightens our previous somethings.

“Something” and “nothing” are neither objective facts nor the absence of them, except in an inquiry such as “why nothing becomes something,” which is to say, “something” and “nothing” are tightly linked constructs in this formulation. Aside from which, “something” is a characterization of whatever it is we think is “something,” yet we never describe it simply as “something,” but rather something interesting, important, portentous, etc. Analogously, aside from the formulation inquiring, “why nothing becomes something,” “nothing” is a characterization of what we may deny (God, climate change, the claims of “right-wing nuts,” evolution, etc.). “Nothing” is either our vision of the past, or own lack of understanding, or our vision of the past or a putative denial of what someone else (less attuned than we!) may countenance as “something,” something even important or sacred.

This is not to say, of course, that the physical world does not exist apart from our consciousness or awareness of it – it does. Rather, we can only process and confront our world in the here and now, in terms of our consciousness-mediated perspectives, all of which are continuously subject to change. The sun revolved around the earth until Copernicus and then Galileo persuaded us that it was the other way around. The discovery of Neanderthals in Europe transformed “nothing,” at least for Europeans, into “something” and “somebodies” (even if we don't know their identities):

stodgy, brutish, barely sentient creatures. More recently scientists have revised these somethings into sentient, tool- and language-using creatures whose DNA is part of most Europeans and their descendants, most likely including you, my reader, and me (Cochran, G. & Harpending, H., 2009, pp. 710–722).

Nothing is no longer “nothing,” even in physics and cosmology. In particular, the discovery of the Higgs Boson has revised our understanding of intergalactic space. Long regarded as the Biblical Void, eternal empty space from which the universe emerged or was created, depending on the respective perspectives of the Big Bang theory or God’s creation, “nothing” is no longer understood as nothing. According to theoretical physicist and cosmologist Lawrence Krauss, the modern universe is a “boiling, bubbling brew of virtual particles popping in and out of existence on a timescale so short you can’t see them... Empty space is unstable” (Rincon, P. (2010)). It was a remarkable accident that ignited the Big Bang; according to Krauss, ours is “a universe from nothing” (Krauss, 2012). Historical inquiry – typically referred to simply as history – is evidently a case of transforming and retransforming nothings and nobodies of the past into somethings and someones from the perspective of the historian.

We never know as we read today’s news reports whether we really are reading what will become regarded as first drafts of history, even if subsequent accounts reveal that there are no true first drafts. Nor are there final revisions: there is no final word. Some stories have legs; most quietly disappear beneath waves of subsequent reporting and reported events that compete for space in the world’s media outlets. Reports that persist may subsequently gain influence as official accounts of past events. It is noteworthy that canonized events and individuals, contrary to the stereotype of the lone genius, tend not to be isolated or randomly distributed across time and place. They tend to cluster, at least in our (western) memories, into schools of thought and movements. Hence, to mention only a few familiar schools and movements as we remember them today, we can note clusters of:

- Fifth-century Athens dramatists (including Aeschylus, Sophocles, Euripides, and Aristophanes)
- Fourth-century Athens philosophers (including Plato and Aristotle)
- Fifteenth-century Medici Florence artists and sculptors (including Michelangelo, Leonardo da Vinci, and Botticelli)
- Late sixteenth-century Elizabethan dramatists (including Shakespeare, Marlowe, and Jonson)
- Eighteenth-century classical composers (including Bach, Mozart, and Beethoven)
- Late nineteenth-century French Impressionists (including Cézanne, Degas, Manet, Monet, Pissarro, Renoir, and Sisley)
- Early twentieth-century American Jazz performers (including Louis Armstrong, Jelly Roll Morton, and Duke Ellington) and 1960s American black intellectuals, including James Baldwin, Richard Wright, Albert Murray, Romare Bearden, and Ralph Ellison, who together articulated and propagated news ideas about black identity and black political power (Watkins, 2013, p. 1).

To these we may add scientific paradigms organized in retrospect around famously great scientists, including Ptolemy, Galileo, Newton, Einstein, and many others. In all these examples, revolutionary art and science punctuate normal art and science, not unlike Stephen Jay Gould’s account of evolution as “punctuated equilibria” (Eldredge & Gould, 1972). Or as Randall Collins (2000) puts it, “creativity is not a one-shot event, but a process stretching around the persons in whom it manifests itself, backwards, sideways, and forwards from the individuals whose names are the totemic emblems thrown up by their networks” (p. 621).

These movements all arose amidst key cultural, economic, and political networks, sponsored by powerful patrons from Pericles to the House of Medici and, starting in the Renaissance, wide-flung and prosperous international empires. Changing external conditions of social life, including large-scale political and economic changes, even military dominance, can spark periods of cultural and intellectual change. Shakespeare scholar Gary Taylor (1996) writes, “The English did not colonize so much of the world because they had Shakespeare. Shakespeare was like a local parasite

– attached to a species that eventually dominated its own niche and migrated out into others, taking the parasite along and introducing it into new ecosystems that had, often, no defenses against it” (pp. 97-98). The rise of the Elizabethan theater benefited from the humanist Renaissance, which opened a rich vein of ancient models, texts and other materials, e.g., histories. Gutenberg’s invention of movable type substantially reduced the cost of print, and as the Industrial Revolution unfolded, concentrated urban changes in London provided markets dense enough to support a capital-intensive leisure industry. Such receptive contexts harbored tipping points resonating, kindling, igniting, and fixing (i.e., valorizing) influence.

Consider America’s role in World War II. The 1941 Pearl Harbor attacks are continuously remembered – Franklin Roosevelt’s “a day that will go down in infamy” – largely because the United States won World War II; the Japanese attack of December 7, 1941, came to be the initial event in a narrative ending in American victory over Japan and, along the way, Germany. And “World War II,” we now understand, was “The Good War” (Studs Terkel) fought by the “Greatest Generation” (Tom Brokaw), displacing “the Great War” and relegating it to lesser status as “World War I.” History, properly understood, requires a narrative. As Claude Lanzmann (1996) argues, with reference to the Holocaust, “The words that are thus written take the place of the past; these words, rather than the events themselves, will be remembered” (p. 83). Following Eldredge & Gould (1972), we see that more than biological evolution is governed by contingency. The succession of events in our lives is always accompanied by biographies shaped by contemporary contexts and highlighted in retrospective narratives.

Front-page events more typically fade from public memory in a few news cycles; with today’s Internet, this can happen in mere hours. The Hurricane of 1900, which hit Galveston, Texas, on September 8, 1900, was the deadliest hurricane in US history, killing as many as 12,000 people (Gibson, 2006), far more than the attacks on Pearl Harbor or the 9/11 attacks on the World Trade Center. Yet September 8th typically passes without adieu or any official commemoration. And whether or not 9/11 remains the momentous event it seems to most Americans today – whether it was a Pearl Harbor or a Galveston Hurricane event – will depend on what part it plays in future narratives. Nor can we predict which hurricane, if any, might become a climate change tipping point event.

The December 14, 2012, Newtown, Connecticut, Sandy Hook Elementary School massacre of twenty second graders and six teachers and school administrators was the 346th American school shooting since 1900. Recent notable school shootings include #300, the April 20, 1999, massacre at Columbine High School, where two students killed twelve students and one teacher and wounded twenty-one others before committing suicide; and #318, the execution-style slayings of female students at West Nickel Mines School in a rural Pennsylvania Amish community. While the Newtown murders momentarily propelled new efforts by gun control advocates, reform remains as elusive as ever; the killings continue unabated.

Columbine has come to be known as a student-planned massacre, while the Amish incident is remembered for the willingness of the parents to forgive the attacker. Whether any mass shooting will become a tipping point in American gun laws depends on the story, the storyteller, and the consumers of the narratives: Did twenty-six- and seven-year-olds die in vain, viciously denied the American promise of life, liberty, and the pursuit of happiness? Again, while history is about the past, it comes about only “after the fact.” We cannot recover the past, though we can re-enlighten it.

The foundational level of historical data is not the “facts,” but rather what is not thrown away (for me perhaps the “junk” in my basement), and the commemoration requires a death, at least one survivor who remembers, and a struggle and competition among survivors and memories. And – I shall call it Taylor’s Rule – at least two cycles of death-survivor-struggle – typically two different, and not necessarily succeeding, generations – must elapse as generations of detractors die and the survivors pass on their memories, which compete to be settled in ensuing contexts and perhaps revised in subsequent contexts. Ultimately the accounts and narratives of the survivors fix “the way it was,” at least for a while. And the more successfully such events and seminal figures enter the cultural mainstream, the more durable and commonplace they become; as historical awareness of original events attenuates – stories begetting stories begetting stories – they become “normalized”

(Rosenfield, 2015, p. 11) sometimes trivialized, sometimes forgotten, but always transformed. History is indeed “made.”

Plato and Aristotle are commonly recognized as the great philosophers of ancient Greece. Plato’s reputation endured (Collins, 1998, pp. 89–90) whereas Aristotle’s influence evaporated soon after his death, virtually collapsing in only a few generations. It was only with Averroës (1126–1198), an Islamic philosopher known as Ibn Rushd born in Córdoba, Spain, that Aristotle achieved the recognition on a par with Plato familiar to us today. Averroës’s famous commentaries on Aristotle influenced Christendom starting around 1250, particularly through thirteenth-century European translations of his works from Latin (Grant, 1996, p. 30). These translations launched the popularization of Aristotle and were responsible for the development of scholasticism in medieval Europe (Sonneborn, 2006, p. 89).

Yet another figure widely celebrated today though not always is Martin Luther King, much like Frank Lloyd Wright, was once met with widespread loathing and disapproval. But no more. As Jason Somali writes, every year in January, Americans of all races, backgrounds, and ideologies celebrate the Reverend Dr. Martin Luther King Jr. He is rightly lionized and sanctified by whites as well as blacks and by Republicans as well as Democrats. It is easy to forget that, until fairly recently, many white Americans loathed Dr. King. They perceived him as a rebel rouser and an agitator; some rejoiced in his assassination in April 1968. How they got from loathing to loving is less a story about growing tolerance and diminishing racism, and more about the ways that Dr. King’s legacy has been scrubbed and re-narrated. But Dr. King’s legacy – the meaning of “Martin Luther King in the popular mind began to change as soon as the man himself left us... We have molded him into a gentle champion of color blindness” (Somali, 2017).

In these many examples, we see that history and influence happen only downstream from the events and individuals whose identities are transformed and constructed in a process of objectification Bakhtin (1990) called consummation. As utterances gain meaning only in the response of a conversant, an individual’s identity is also constructed downstream by others. Hence, just as Jesus never knew he was a Christian, we can never know ourselves.

Pioneer status is conferred by succeeding generations, not accomplished entirely by the pioneers; as with Oedipus’s curse, seminal figures do not know nor can they fully anticipate their identities. Hence, Aristotle had no idea of his subsequent influence by way of an Islamic scholar writing in Latin. The French Impressionists only learned that they were Impressionists when art critic Louis Leroy (1874) published a satiric, derisive review titled “The Exhibition of the Impressionists,” not unlike the opposition Tea Party Republicans renaming the Affordable Care Act (ACA) “Obamacare,” a name President Obama himself adopted. Bach, Mozart, and Beethoven had no idea they were key figures in Western “classical” music. Bach didn’t know he might be a Baroque composer. Had his contemporaries known he was a great composer, half of his scores would not have been lost after his death. Beethoven didn’t know he might be a Romantic composer. All these categories bleed. Alex Ross (2004a) puts it this way:

I hate “classical music”: not the thing but the name. It traps a tenaciously living art in a theme park of the past. It cancels out the possibility that music in the spirit of Beethoven could still be created today. It banishes into limbo the work of thousands of active composers who have to explain to otherwise well-informed people what it is they do for a living. The phrase is a masterpiece of negative publicity, a tour de force of anti-hype. I wish there were another name. I envy jazz people who speak simply of “the music.” Some jazz aficionados also call their art “America’s classical music,” and I propose a trade: they can have “classical,” I’ll take “the music.”

Ross (2004b) goes on to narrate a charming tale of the cultural development of classical music:

The rise of “classical music” mirrored the rise of the commercial middle class, which employed Beethoven as an escalator to the social heights. Concert halls grew quiet and reserved, habits and attire formal. Improvisation was phased out; the score became sacred. Audiences were discouraged from applauding while the music played – it had been the custom to clap after a good tune or a dazzling solo – or between movements. Patrons of the Wagner festival in Bayreuth proved notoriously militant in the

suppression of applause. At an early performance of Parsifal, listeners hissed at an unmusical vulgarian who yelled out “Bravo!” after the Flower Maidens scene. The troublemaker was the man who had written the opera. The Wagnerians were taking Wagner more seriously than he took himself – an alarming development.

Consider the Holocaust. For hundreds of years before the Nazi program of exterminating European Jews during World War II, the word holocaust was commonly used in English to denote great massacres. Starting in the 1960s, holocaust became “the Holocaust,” largely restricted by scholars, writers, and others to reference the Nazi genocide (Niewyk, D., 2012, pp. 191–248). The term genocide, coined in 1944 by Raphael Lemkin (Oxford English Dictionary 1944, pp. ix, 79) was used to indict Nazi leaders at the Nuremberg trials after World War II, and was first codified in international law at the 1948 United Nations Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (CPPCG).

All accounts of the Holocaust focus on victims, perpetrators, and survivors. But since 1948, each of these groups has changed. Victims have expanded from Jews to include Slavs, Gypsies, the handicapped, homosexuals, and certain political and religious groups. The inclusion of these other groups has expanded the canonical Six Million to 11-12 million victims of the Nazis, including Russians. Recently published research from The United States Holocaust Memorial Museum’s *Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945* documents 30,000 slave labor camps; 1,150 Jewish ghettos; 980 concentration camps; 1,000 prisoner-of-war camps; 500 brothels filled with sex slaves; and thousands of other camps used for euthanizing the elderly and infirm, performing forced abortions, and “Germanizing” prisoners, or transporting victims to killing centers. Researchers have documented some 3,000 camps and so-called Jew houses in Berlin alone, while Hamburg held 1,300 sites (Lichtblau, 2013, p. 1). Perpetrators have expanded beyond Nazi officials to include many “ordinary Germans,” (Goldhagen, 1997) as well as Estonian, Vichy French, Latvian, Lithuanian, and Ukrainian collaborators (Gaunt, D, P. Levine, & L. Palosuo, 2004). Heroes include rescuers, notably Oskar Schindler of *Schindler’s List*, and resisters to the tyranny of Fascist rule, including many Germans, notably the theologian Dietrich Bonhoeffer, as well as Colonel Claus Schenk Graf von Stauffenberg, who led a failed assassination attempt on Hitler on July 20, 1944. Survivors include camp survivors as well as Jewish heroes and avengers.

As historical narratives evolve, they re-enlighten, or, in Russian theorist Mikhail Bakhtin’s (1981) account, they “refract” the original event, transforming details, terms of reference, and the identities of the participants. “In these and other cases,” writes Alvin Rosenfeld (1915) “hermeneutical disputes about how the ‘story’ should be told or not told, even about whose ‘story’ it is and who, therefore, has the right to tell it, are not arcane matters but, in fact, issues of considerable cultural, political, and even national consequence” (p. 8).

And so we see that because histories of prior events and people are written after the fact, they are as much about the times in which they are written as they are about the past. Histories celebrate, commemorate, and/or “correct” our understandings of past events; they work not by recovering the past but by historicizing and re-enlightening it. As we have seen, each event so historicized entails an upstream and downstream. The downstream concerns the consequences of the event, for example, the recognition of the US dollar as the major international currency; the recognition of events as seminal and of individuals as pioneers in their fields; the rise of Christianity; the recognition of the Holocaust; or the formation of schools and -isms. The upstream is about the foundational events that are said to have enabled the event, for example, American victory in World War II; Jesus’s crucifixion and resurrection; or the Nazi persecution of European Jews. In each case, the upstream, even if meticulously supported by a record, is constructed downstream.

Final Remarks

Not all re-enlightenments are social or generational, but regularly unfold over the years (World War II), decades, generations (Frank Lloyd Wright), and centuries (Aristotle, classical music, Christianity); many and potentially all, for example the massacre of children at Sandy Hook, are still

playing out. Other potentially significant events are more transitory – an engaging conversation, psychotherapy and other forms of counseling, confession. Everyone can look back upon their lives and identify a particular episode – summer camp, a special high school class, the unexpected loss of a friend or relative, coming out, a change in medical condition – or relationship (first date, close friendship, mentor) that made a difference in their lives and so transformed them. Even such fleeting and episodic events have their own re-enlightenments, histories, and development.

Some re-enlightenments can be of more than one type. When Wright returned to Oak Park with Mamah in 1909, Oak Park quickly re-enlightened what we can now understand as an episodic event, as were each of the many subsequent re-enlightenments occurring over the course of his life and afterwards. In this example and others, we can understand that some re-enlightenments are seminal, meaning they change life and identities in fundamental, lasting ways. The most typical such transformations are technological and scientific, for example, the Industrial Revolution or the decoding of DNA. Seminal figures include Jesus, Darwin, and Einstein.

In this paper, we have noted that while history always tells us about the past, it remains a fundamental irony that because histories of prior events and people are written after the fact, they are as much about the times in which they are written as they are about the past. Histories celebrate, memorialize, and/or “correct” our understandings of past events; they work not by recovering the past but by historicizing and re-enlightening it. As we have seen, each event so historicized entails an upstream and downstream. The downstream concerns the consequences of the event. The upstream is about the foundational events that are said to have enabled the event. In each case, the upstream, even if meticulously supported by a record, is constructed downstream. These are the main features and concepts of history as a dialogic process.

References

- Bakhtin, M.M.* (1981). *The Dialogic Imagination*. Austin: University of Texas Press.
- Bakhtin, M.M.* (1986). *M. Bakhtin with M. Holquist, V. McGee, and C. Emerson. “The Problem with Speech Genres.” Speech Genres and Other Late Essays*. Austin: University of Texas Press.
- Bakhtin, M.M.* (1990). *Art and Answerability: Early Philosophical Essays*. Edited by Michael Holquist and Vadim Liapunov. Translated by Vadim Liapunov and Kenneth Brostrom. Austin: University of Texas Press, 1990.
- Brandist C.* (2004) *Law and the Genres of Discourse: the Bakhtin Circle’s Theory of Language and the Phenomenology of Right*. In Bostad F., Brandist C., Evensen L.S., Faber H.C. (eds) *Bakhtinian Perspectives on Language and Culture*. London: Palgrave Macmillan.
- Collins, Randall.* (2000). *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Eldredge, N., & Gould, S. J.* (1972). Punctuated equilibria: an alternative to phyletic gradualism. In T. J. M. Schopf (Ed), *Models In Paleobiology*. San Francisco: Freeman, Cooper and Co.
- Gaunt, David, P. Levine, and L. Palosuo* (Eds). *Collaboration and Resistance During the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania*. Bern: Peter Lang, 2004.
- Husserl, E.* (1970). *The Idea of Phenomenology*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Husserl, E.* (1970). *Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Claude Lanzmann in Raul Hilberg.* (1996). *The Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian*. Chicago: Ivan Dee.
- Cochran, Gregory & H. Harpending.* (2009). *The 10,000 Year Explosion: How Civilization Accelerated Human Evolution*. New York: Basic Books.
- Gibson, Christine.* (2006, Aug./Sept.). *Our 10 Greatest Natural Disasters*, American Heritage.
- Grant, Edward.* (1996). *The Foundations of Modern Science in the Middle Ages: Their Religions*. Cambridge University Press.
- Krauss, Lawrence M.* *A Universe from Nothing: Why There Is Something Rather than Nothing*, Free Press, 2012.
- Leroy, Louis.* (1874). *Thee exhibition of the Impressionists,” Le Charivari*, April 25, 1874.
- Lichtblau, Eric.* (2013), *The holocaust just got more shocking*. New York Times, March 1, 2013; p.

- Niewyk, D. L. (2012). The holocaust: Jews, gypsies, and the handicapped. In William S. Parsons, Centuries of Genocide: Essays and Eyewitness Accounts, New York, NY: Routledge.
- Nystrand, M. (1986). The structure of written communication: Studies in reciprocity between Writers and Readers. New York and London: Academic Press.
- Nystrand, M. (1997). Opening dialogue: Understanding the dynamics of language and learning in the English classroom. New York: Teachers College Press.
- Pfeiffer, Bruce Brooks. (2011). Frank Lloyd Wright: Complete works, Vol. 1, 1885–1916. Cologne: Taschen.
- Rincon, Paul. (2010). “Neanderthal genes ‘survive in us.’” BBC News (BBC). Retrieved 2010-05-07. http://www.huffingtonpost.com/2012/07/18/lawrence-krauss-universe-from-nothing_n_1681113.html, accessed 1-16-2012.
- Ross, A. (2004a, b). “Listen To This: A Classical Kid Learns to Love Pop – And Wonders Why He Has to Make a Choice.” The New Yorker, February 16 and 23, 2004
- Rosenfeld, Alvin. (2011).. The end of the holocaust. Chicago: Indiana University Press.
- Rosenfeld, Gavriel D. (2015). Hi Hitler!: How the nazi past is being normalized in contemporary culture. New York: Cambridge University Press.
- Secrest, M. (1992). Frank Lloyd Wright: A biography. Chicago: The University of Chicago Press.
- Shklar, J. N. (1976). Freedom and independence. A study of the political ideas of Hegel's Phenomenology of Mind. Cambridge University Press: London, New York, and Melbourne.
- Julio Peiró Sempere. (2014). Bakhtin and Geoffrey Hartman: Mediation in the Act of Reading. Chapter 6 of The Influence of Mikhail Bakhtin on the Formation and Development of the Yale School of Deconstruction. Cambridge: Cambridge Scholars Press.
- Somali, Jason (2017). Which King are we celebrating today? <http://www.nytimes.com/2017/01/16/opinion/which-martin-luther-king-are-we-celebrating-today.html>
- Sonneborn, Liz. (2006). Averroës (Ibn Rushd): Muslim Scholar, Philosopher, and Physician of the Twelfth Century. New York: The Rosen Publishing Group.
- Straight, H. Steven. (1977). Consciousness as a workspace, SISTM [Society for Interdisciplinary Study of the Mind] Quarterly, 1: 11–14.
- Tavernise, S. (2017). When History’s Losers Write the Story, New York Times, 9/15/17; <https://www.nytimes.com>.
- Taylor, Gary. (1996). Cultural Selection: Why Some Cultural Achievements Stand the Test of Time – And Others Don’t. Collingdale, PA: Diane Publishing Co., 1996.
- Vološinov, V. (1973). Marxism and the Philosophy of Language. Cambridge: Harvard University Press.
- Watkins M. (2013) “Albert Murray, Scholar Who Saw a Multicolored American Culture, Dies at 97,” New York Times, August 19, 2013.

История как диалогический процесс: кейс Фрэнка Ллойда Райта

© 2022 Мартин Нистранд

*Мартин Нистранд, профессор кафедры английского языка
Висконсинского университета в Мэдисоне
E-mail: mnystrand@ssc.wisc.edu*

Висконсинский университет в Мэдисоне
Мэдисон, штат Висконсин, США

Аннотация. В данном теоретическом эссе разрабатывается подход к историографии с использованием диалогических концепций для построения историй. Отмечается, что некоторые высказывания оказываются более важными в сравнении с другими в зависимости от контекста и постоянно открыты для пересмотра; как утверждал Бахтин, «последнее слово еще не сказано». Представленный анализ раскрывает роль рефракции, которая определяется как совокупность когнитивных, исторических, личностных и культурных трансформаций понимания, заменяющих старое новым. В данной схеме рефракции функционируют как базовые принципы выделения событий, разграничивающих и формирующих как *нисходящие*, так и *восходящие* потоки. Нисходящие потоки

ориентированы на последствия рефракции, в том числе как стимул для конструирования историй. Восходящие потоки ориентированы на выявление истоков событий, о которых говорят целью увековечения памяти о них. Диалогически истории генерируются в этих восходящих потоках; они могут быть идентифицированы/отобраны на основании оценки последствий прошлого события как заслуживающего внимания, но их отбор и обработка постфактум предполагает обращение к их истокам. Кейс-стади прослеживает этапы рецепции творчества американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта из Оук-Парка (Иллинойс, США) до признания его величайшим архитектором Америки, рассматривая их не как ступени его карьеры, а скорее как последовательность конкурирующих нарративов.

Ключевые слова: адресность, диалогизм, рефракция, история, восходящие потоки, нисходящие потоки.

Саранские адреса М.М. Бахтина

© 2022 Л.М. Лисунова

*Лисунова Людмила Михайловна, кандидат философских наук,
аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются два саранских периода биографии М.М. Бахтина (1936–1937; 1945–1969), приводятся данные о его жизни по трем адресам на улице Советской: (гостиница «Центральная», дом-общежитие преподавателей и сотрудников Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева /Мордовского государственного университета, жилой дом для преподавателей Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева. Приводятся воспоминания его бывших соседей.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Е.А. Бахтина, Саранск, история Мордовского государственного университета, история образования в Республике Мордовия.

Как известно, впервые Михаил Михайлович Бахтин и его супруга Елена Александровна впервые приехали в Саранск осенью 1936 г. В этот период ситуация с обеспечением жильем преподавателей и сотрудников Мордовского государственного педагогического института было катастрофическим. Намеченный на сентябрь 1936 г. план завершения строительства дома для преподавателей не был осуществлен (прежде всего, по причине отсутствия средств и капиталовложений).

Саранск. Вход в гостиницу «Центральная». Вторая половина 1940-х гг. Фотография. Музей истории Мордовского университета

Саранск. Гостиница «Центральная». Вторая половина 1960-х гг. Фотография. Музей истории Мордовского университета

Основная масса профессорско-преподавательского состава жила в неблагоустроенных частных домах, в некоторых из них не было даже электричества. Ко времени приезда Бахтиных в Саранске была только что сдана в эксплуатацию новая гостиница «Центральная» (ул. Советская), где им был предоставлен отдельный номер. Как известно, первый саранский период жизни Бахтиных был непродолжительным, летом 1937 г. они были вынуждены покинуть город. Однако гостиница «Центральная» была для них значимым местом и в период, когда они вернулись в Саранск. В этой гостинице останавливались приезжавшие к ним друзья и знакомые: в 1950-х гг. – М.В. Юдина, в 1960-х гг. – молодые литературоведы С.Г. Бочаров, С.Д. Гачев, В.В. Кожинов, Л.С. Мелихова, В.Н. Турбин и др. Гостиница была снесена в конце 1990-х гг.

Осенью 1945 г. Бахтины снова приехали в Саранск. Город встретил их гостеприимно. Преподаватели, сотрудники, руководство пединститута были рады их возвращению. Им было предоставлено жилье по адресу: ул. Советская, 34.

Дом, где на втором этаже (ныне это третий этаж) получили комнату Бахтины, ранее был одним из корпусов Саранской уездной тюрьмы. Внутри здания многое напоминало о бывшей тюрьме: длинные коридоры, обитая металлом лестница, высоко расположенные окна. На первом и втором этажах жили преподаватели и сотрудники института, в полуподвальном помещении – обслуживающий персонал. В доме не было удобств, воду жители носили из расположенной неподалеку колонки, дрова хранили в сарае. И все же это был лучший из домов, которыми располагал институт в то время.

Вся хозяйственно-бытовая работа легла на плечи Елены Александровны. Она занялась благоустройством комнаты. По ее просьбе в комнате была сложена небольшая русская печь (эту работу выполнил один из основоположников мордовской фольклористики, подвергавшийся в 1940-х гг. несправедливым гонениям К.Т. Самородов).

Саранск, ул. Советская, 34. Современный вид здания

Рядом с печью поставили сделанный по индивидуальному заказу (возможно, в Явасском тюремном изоляторе) небольшой письменный стол, за которым Бахтин проводил все время, свободное от работы в институте. Рядом с печью всегда было тепло и уютно.

Были поставлены фанерные перегородки, разделяющие комнату на кабинет-спальню Михаила Михайловича и комнату-кухню Елены Александровны. Ей удалось «выкроить» в помещении даже маленькую прихожую, где можно было снять и повесить на вешалку верхнюю одежду.

Бахтин много и продуктивно работал в этот период. Лекции в институте/университете, студенческие научные кружки, выступления в школах, перед общественностью города, безотказная помощь молодым ученым – все это внесло неоценимый вклад в развитие культуры и образования Мордовии.

Учитель одной из саранских средних школ Александра Ивановна Рябцева в 1950-х гг. часто приходила в гости к своим родственникам в дом, где жил тогда Бахтин. По ее воспоминаниям, жильцы дома постоянно упоминали его имя. Все говорили о нем с большим уважением.

Люди, жившие в этом доме, относились к культурной, интеллектуальной элите Мордовии. Многие из них получили образование в престижных вузах России и за рубежом и оказались в Мордовии по ряду независимых от них причин. Талантливые ученые, преподаватели, они сыграли значительную роль в развитии образования и культуры республики.

Таким был, например, Александр Давыдович Маргулис, окончивший естественно-математический факультет Варшавского университета. Он специализировался в области физики, защитил кандидатскую диссертацию, владел несколькими европейскими языками: польским (который был его родным языком), немецким, французским, английским. Все его ближайшие родственники погибли во время Второй мировой войны, во время фашистской оккупации (брат и сестра, учившиеся в Львовском университете, погибли во Львове в 1941 г.; родители были убиты в Лодзи в 1942 г.).

Александр Давыдовичу удалось попасть на территорию СССР еще до начала Великой Отечественной войны. Во время войны он был призван в армию, в стройбат: работал на строительстве узкоколейной железной дороги к Сталинграду, затем на военном строительстве

в Средней Азии, где встретился с находившейся в эвакуации Полиной Самойловной Рабинович, ставшей его женой. Через некоторое время Маргулис был призван в действующую армию. После демобилизации, в октябре 1945 г. он вместе с женой приезжает в Саранск и начинает работу в Мордовском пединституте/университете (где он долгое время заведовал кафедрой диэлектриков и полупроводников).

Его жена Полина Самойловна Рабинович окончившая Смоленский государственный педагогический институт, работала на кафедре иностранных языков, позже стала заведующей кафедрой английского языка. Как высокопрофессиональный педагог, она пользовалась большим авторитетом на кафедре и в вузе. В 1956 г., когда развернулась активная работа по налаживанию научных связей и обмена опытом среди вузов страны, она внесла значительный вклад в это направление деятельности института. Так, в феврале 1956 г. она возглавляла рабочую группу по обмену опытом среди преподавателей иностранных языков страны в г. Горьком.

Их сыновья – Виктор Александрович и Владимир Александрович, ставшие учеными-физиками, преподавателями Мордовского университета – также постоянно общались с семьей Бахтиных [см.: 2, с. 193; 6, с. 295–296]. «Любимчиком» Елены Александровны был младший сын – Володя.

Еще одна семейная пара ученых, преподавателей института/университета, которая жила в этом доме, – кандидат химических наук Федор Степанович Стэфкин и ботаник Надежда Петровна Виноградова – кандидат, затем доктор сельскохозяйственных наук.

Стэфкин родился в крестьянской семье в Витебской губернии, окончил педагогический факультет Белорусского государственного университета (1926), аспирантуру при Институте химии Академии наук БССР (1939). Его жена также родилась в Белоруссии. Окончила Белорусский государственный университет, аспирантуру при Всесоюзном НИИ болотного хозяйства в Минске (1939). В 1941 г. супруги были направлены на работу в Мордовский пединститут. Стэфкин в разные годы заведовал кафедрой химии (позже – аналитической химии), был деканом факультета естествознания, заместителем директора по научно-учебной части. В 1947 г., когда институт получил право приема кандидатских экзаменов по философии и иностранному языку не только у преподавателей вуза, но и у аспирантов других организаций, ведущих научную работу на основе заключения комиссии, в эту комиссию, наряду с Бахтиным, входил и Стэфкин. Виноградова заведовала кафедрой ботаники. Сотрудничая с Московским химико-технологическим институтом, проводя полевые опыты, экспериментальные исследования пойменных лугов, она подготовила научную базу для развития сельского хозяйства в республике.

Преподаватель кафедры биологии Яков Михайлович Попов был одним из лучших сотрудников вуза. Он стал одним из тех, кому в трудные годы Великой Отечественной войны доверили реализацию Постановления Совнаркома МАССР по переезду педагогического института в г. Темников для организации слияния Саранского и Темниковского учительских институтов и налаживанию учебного процесса. Все жильцы дома переживали за семью Поповых, когда жена Якова Михайловича, работавшая в овощехранилище, обслуживающем тюрьмы, получила 5 лет заключения за то, что однажды собрала в поле оставшуюся там после уборки картошку и принесла ее своим детям.

Сочувствовали соседи и декану литературного факультета Аркадию Андреевичу Савицкому, герою Великой Отечественной войны, отмеченному целым рядом боевых наград, в том числе орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда». В конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда в стране начался новый этап политических репрессий, Савицкий подвергался травле со стороны определенной части членов партийной организации вуза [см.: 4]. (Савицкий скрыл, что его отец до революции был жандармом – открывшееся обстоятельство стало одной из причин нападок на него.) 6 января 1950 г. Аркадий Андреевич освобождается от обязанностей декана литературного факультета. Кроме того, Савицкий переживал личную трагедию: один из его сыновей покончил собой (подросток мучительно страдал из-за своего физического недостатка – у него рос горб на

спине и ему казалось, что окружающие смеются над ним), и Аркадий Андреевич винил себя за то, что не помог ему психологически справиться с ситуацией.

Яркие воспоминания сохранились от общения с семьей Бахтиных у Юрия Федоровича Жаркова, окончившего факультет математики и черчения МГУ им. Н.П. Огарева (1960), впоследствии работавшего в Саранской средней школе № 14, в вычислительном центре при кафедре высшей математики Мордовского университета, в Научно-исследовательском институте источников света им. А.Н. Лодыгина в Саранске. В дом по адресу Советская, 34 его семья переехала весной 1945 г. из барака по улице Б. Хмельницкого, когда Юре было 7 лет. Его отчим Федор Терентьевич Жарков был преподавателем математики (позже он защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом института/университета). Жарковы жили в непосредственном соседстве с Бахтиными, отношения между семьями были самыми теплыми. Мать Юрия Федоровича – Наталья Федоровна всегда помогала Елене Александровне в ее бытовых заботах, делала покупки на рынке.

По воспоминаниям Юрия Федоровича, Бахтины, несмотря на свою доброжелательность, были закрытыми, о себе никогда ничего не рассказывали. Михаил Михайлович тесно общался только с Дмитрием Прокофьевичем Бочкаревым (кандидатом физико-математических наук, доцентом (1944), окончившим факультет хозяйства и права Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (1929), механико-математический факультет им. М.В. Ломоносова (1934)), а также с Яковом Федотовичем Борщиным – преподавателем кафедры физики, изучавшим технику школьного эксперимента в Московском педагогическом институте им. К. Либкнехта. Очень часто они втроем – все в шляпах, с тросточками – ходили на прогулку – спускались от дома вниз, к реке Саранке, на пойму. Иногда Бахтин беседовал с физиком Маргулисом и математиком Жарковым.

В 1940-х – 1950-х гг. даже центральные улицы Саранска не были асфальтированы, во время дождя на них была непролазная грязь. Когда было сухо, Елена Александровна сама встречала мужа после работы. Но когда было грязно, она просила кого-то из живущих в доме подростков помочь ей. Часто это был Юра Жарков. Подростки помогали Бахтину вытаскивать костыли из грязи. Зимой они также нередко встречали его и помогали добраться до дома. Но подниматься по скользкой лестнице с шатавшимися перилами Елена Александровна помогала мужу только сама: одной рукой Бахтин держался за перила, с другой стороны непременно была она.

На одном этаже с Бахтиными жила языковед, педагог, кандидат филологических наук, доцент, заслуженный учитель школы Мордовской АССР Александра Ивановна Чикина. Одна из ее дочерей – филолог, библиограф Нелли Михайловна Ивановская в свое время была студенткой Бахтина. Ивановская вспоминала, что многие бывшие жильцы дома спустя долгие годы вспоминали о «тюрьме» с ностальгией: там все жили как большая дружная семья: тесно общались друг с другом, в гости заходили запросто, без церемоний, постоянно занимали друг у друга по-соседски соль, хлеб и т. д.

В доме жила со своей семьей и младший коллега Бахтина по кафедре – педагог, литературовед, кандидат филологических наук, доцент Валентина Борисовна Естифеева. Она вспоминала, как впервые увидела Елену Александровну зимой 1946 г. – она встречала Михаила Михайловича после лекций. На протяжении долгих лет Естифеева была свидетельницей ежедневного подвижничества Елены Александровны: «Перед глазами стоит незабываемая картина: небольшого роста, худенькая женщина в шерстяном платке и ветхом пальтишке медленно поднимается вверх по железной лестнице, в руке у нее ведро с торчащими вверх поленьями, за спиной вязанка дров...» [1, с. 39].

В 1959 г. комиссия по распределению жилплощади, поступавшей в распоряжение вуза (уже ставшего университетом), приняла решение о выделении Бахтиным двухкомнатной квартиры со всеми удобствами в центре города по улице Советская, 31. Теперь Елене Александровне не надо было ходить за водой и дровами на улицу.

Саранск, ул. Советская, 34. Современный вид здания

С новыми соседями Бахтиным также повезло. Сюда переехали и некоторые из их прежних соседей, в частности, семья Маргулисов, кроме которых наиболее тесно Бахтины общались с жившей с ними на одной лестничной клетке семьей Шепелевых.

Все посетители отмечали скромность, аскетизм быта Бахтиных и в новой квартире [см., например: 5, с. 344]. По воспоминаниям Антонины Максимовны Шепелевой – филолога, педагога, преподавателя МГПИ им. А.И. Полежаева, затем МГПИ им. М.Е. Евсевьева – в новой квартире Бахтиных не было ничего лишнего, только самое необходимое: две этажерки с книгами, обеденный и письменный столы, шифоньер, два шкафа для белья, две кровати. Украшениями были сундук ручной работы и мягкое немецкое (вероятно, трофейное) кресло, купленное на барахолке. Позже появился выполненный по заказу большой книжный шкаф, который после отъезда Бахтиных из Саранска остался у Шепелевых. (Сегодня сундук, два кресла и книжный шкаф Бахтина находятся в Центре М.М. Бахтина в Мордовском университете [см.: 3]).

Елена Александровна старалась во всем экономить (она была уверена, что умрет раньше Михаила Михайловича, и ему – инвалиду, беспомощному в быту, эти сбережения будут крайне необходимы). Она не жалела денег только на свежие продукты для мужа. В доме по адресу Советская, 31 Бахтины прожили 10 лет (до своего отъезда в Москву). За эти годы ученым было подготовлено к изданию не менее 12 научных исследований, вошедших в золотой фонд мировой культуры.

До сих пор бытует мнение, что Саранск был для Бахтиных ссылкой в провинциальную глушь, где они жили в тяжелейших условиях. Мы можем с уверенностью констатировать, что саранский период был одним из самых благополучных в жизни Бахтиных.

1. *Естифеева В.Б.* Воспоминания о Бахтине: Первое десятилетие в Саранске // Странник. Саранск, 1995. № 1. С. 37–49.

2. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: Красный Октябрь, 2010. 468 с.

3. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете: характеристика мемориальной коллекции // Бюллетень науки и практики. № 7(8). С. 226–237.

4. *Лантун В.И.* М.М. Бахтин и А.А. Савицкий: годы совместной работы в Мордовском пединституте в 1945–1950 гг. // Центр и периферия. 2021. № 4. С. 86–93.

5. *Лисунова Л.М., Клюева И.В.* Саранск, Мордовский университет, М.М. Бахтин в воспоминаниях Э.В. Коноховой // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-

экономического развития регионов Российской Федерации. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ». 2017. С. 339–349.

6. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина. К 125-летию со дня рождения мыслителя / авт.-сост. И.В. Ключева, Н.Н. Земкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.

M.M. Bakhtin's Saransk addresses

© 2022 L.M. Lisunova

*Lyudmila M. Lisunova, Candidate of Philosophy,
analyst of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russia

Annotation. The article deals with two Saransk periods in the biography of M.M. Bakhtin (1936–1937; 1945–1969), gives data about his life at three addresses on Sovetskaya street: (Hotel «Tzentrálnaya», hostel for teachers and employees of the Mordovia State Pedagogical institute named after A.I. Polezhaev / Mordovia State University, a residential building for teachers of the Mordovian State University and the Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseviev. It presents some of his former neighbors' oral memories.

Keywords: M.M. Bakhtin, E.A. Bakhtina, Saransk, the history of the Mordovia State University, the history of education in the Republic of Mordovia.

1. *Estifeeva V.B.* Vospominaniya o Bahtine: Pervoe desyatiletie v Saranske // Strannik. [Saransk] 1995. № 1. S. 37–49.

2. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: Krasnyj Oktyabr', 2010. 468 s.

3. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* Centr M.M. Bahtina v Mordovskom gosudarstvennom universitete: harakteristika memorial'noj kollekcii // Byulleten' nauki i praktiki. № 7(8). S. 226–237.

4. *Laptun V.I.* M.M. Bahtin i A.A. Savickij: gody sovmestnoj raboty v Mordovskom pedinstitute v 1945–1950 gg. // Centr i periferiya. 2021. № 4. S. 86–93.

5. *Lisunova L.M. Klyueva I.V.* Saransk, Mordovskij universitet, M.M. Bahtin v vospominaniyah E.V. Konyuhovoj // Problemy metodologii i metodiki monitoringa social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii. Materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 15-letiyu GКУ RМ «NCSEM». 2017. S. 339–349.

6. *Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina.* K 125-letiyu so dnya rozhdeniya myslitelya / avt.-sost. I.V. Klyueva, N.N. Zemkova. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.

Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана

Часть 7

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой

© 2022 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры, аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. В публикации представлен фрагмент лекций М.М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева) во втором семестре 1936/37 учебного года и записанных мокшамордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М.А. Бебаном (Бябиным). Во фрагменте рассматривается история испанской литературы XVI–XVII вв. Затрагивается также тема португальской литературы означенного периода (кратко анализируется творчество Л. де Камонса). Выявляются особенности развития основных родов и жанров испанской литературы: эпоса (романа – рыцарского, плутовского, пасторального) и драматургии. Основное внимание уделяется творчеству М. де Сервантеса, Ф. Лопе де Веги, Тирсо де Молины, П. Кальдерона.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, М.А. Бебан, лекции по истории литературы, испанская литература, М. де Сервантес, Ф. Лопе де Вега, Тирсо де Молина, П. Кальдерон.

Продолжаем публикацию лекций Михаила Михайловича Бахтина по истории зарубежной литературы в записи студента Максима Афанасьевича Бебана (Бябина), начатую в журнале «Бахтинский вестник» в 2019 г. (2019, №№ 1, 2; 2020, №№ 1(3), 2(4); 2021, №№ 1(5), 2(6)).

Публикуемый фрагмент курса читался Бахтиным весной 1937 г. Он посвящен истории испанской литературы XVI–XVII вв. Перед вопросом «Испанская драматургия XVI – начала XVII <вв.>» студент ставит дату: «25.IV», следовательно, испанская литература указанного периода рассматривалась не на одном, а на двух занятиях. В начале второй лекции Бахтин кратко повторяет тезис, которым он завершил первую лекцию по этой теме – об основной идее романа Сервантеса «Дон Кихот».

Лектор дает общую характеристику историко-культурного контекста развития испанской литературы: географические открытия и их последствия; «поверхностное» обогащение испанцев – в результате авантюры; упадок земледелия и коммунального городского хозяйства; процветание посредничества, ростовщичества; рассматривает положение и роль идадьи в экономической и культурной жизни страны.

Отмечая тот факт, что судьба европейских стран в XVI–XVII вв. «решается на море», Бахтин кратко характеризует творчество португальского поэта Луиса де Камонса, прославляющего колониальное могущество своей страны – морской державы. Интересно, что в этом фрагменте, как и несколько ранее в данном курсе – при рассмотрении Бахтиным истории развития французской литературы [см.: 5], – он вновь затрагивает тему космополитизма. Касаясь творчества Камонса, лектор говорит: «Камонс был не космополитом, а патриотом своей страны; он считал, что судьба мира зависит от Португалии...».

Далее лектор прослеживает историю романного жанра в испанской литературе, охарактеризовав такие его разновидности, как рыцарский («Амадис Гальский»), плутовской («Ласарильо с Тормеса») и пасторальный роман («Диана» Х. Монтемайора), уделив затем особое внимание творчеству М. де Сервантеса.

В публикуемом фрагменте курса лекций Бахтина мы находим очевидные переклички с другими его текстами: диссертации (а затем книги) о Рабле; работ по теории романа, лекций, записанных студентами Мордовского педагогического института Г. Балабаевым и Г. Белоключевским в первой половине 1950-х гг.

Примечательно, что в рассматриваемом фрагменте, говоря о плутовском романе, Бахтин проводит параллели с творчеством Н.В. Гоголя: «*„Ласарильо с Тормеса“* – первый плутовской роман... Большая дорога, движение по ней – знаменитая черта плутовского романа. Случайные встречи со всеми прослойками общества (“Мертвые души”) заимствованы из плутовского романа». В обширном исследовании «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», работать над которым Бахтин начал в 1937 г. (именно тогда, когда читалась данная лекция), он говорит о хронотопе встречи и связанном с ним хронотопе дороги, прослеживает традицию использования схемы «посещения» в мировой литературе. В этой цепочке преемственности Бахтин называет, в частности, и испанские плутовские романы, в том числе «Ласарильо с Тормеса», и роман Рабле, и произведения русских писателей XIX в. Рассматривая роман «Гаргантюа и Пантагрюэль», он вспоминает произведения Гоголя и Л.Н. Толстого: «... Третья книга построена по особой схеме (античной) пути за советом и поучением: посещение оракулов, мудрецов, философских школ и т. п. Впоследствии эта схема “посещений” (нотаблей, различных представителей социальных групп и т. п.) была весьма распространена в литературе нового времени (“Мертвые души”, “Воскресение”))» [2, с. 485]. Таким образом, в лекциях для студентов Бахтин «проговаривает» некоторые из тех научных идей и проблем, которые занимают его в данный момент.

Специальному рассмотрению лектора подвергается история интерпретации романа «Дон Кихот» в мировой литературной критике. Он выделяет в ней несколько этапов.

<1> XVII – первая половина XVIII в.: роман считался безыдейным.

<2> «Первое истолкование» – вторая половина XVIII в.: трактовка романа в Англии (как защита интересов нарождающейся буржуазии в Испании и осмеяние мелкого землевладения).

<3> «Второе истолкование» – конец XVIII – начало XIX в.: трактовка романа представителями немецкого романтизма, «прямо противоположное английскому истолкованию»; романтики считали героя «Дон Кихота» единственно правильным типом, считая, что настоящая жизнь – это мечта о подвигах, геройстве.

<4> «Третье истолкование» – Генриха Гейне: «близкое к романтикам, но и отличное. Он считает, что мечта Дон Кихота – замечательная его черта, хотя эта мечта не имеет пока под собой почвы. Дон Кихот смешон, но всякое подлинное величие до некоторой степени смешно. Великий человек до поры до времени смешон, но сделает подвиг». Бахтин имеет в виду статью Гейне «Предисловие к «Дон Кихоту»: «...Мы презирали низкую чернь, так грубо расправлявшуюся с бедным героем, но еще более презирали чернь знатную, которая, щеголяя пестрым шелком плащей, изысканными оборотами речи и герцогскими титулами, издевалась над человеком, столь бесконечно превосходившим ее силой духа и благородством... Если отдельная личность выдвигается, масса гонит ее назад насмешками и злословием... кто непреклонной силою гения будет вознесен над обычным шаблоном, того постигнет остракизм; общество преследует его такими беспощадными насмешками и клеветой, что ему в конце концов приходится удалиться в одиночество своей мысли» [3, с. 143].

<5> «Четвертое истолкование» – И.С. Тургенева («Гамлет и Дон Кихот»), который «примыкает к истолкованию Гейне: ...подчеркивает положительную черту Дон Кихота – это его действие... Тургенев противопоставляет ему Гамлета, который от убеждения не может переходить к делу. Русские люди много говорят, но мало делают, это гамлетизм – вот вывод Тургенева. Надо бороться против гамлетизма – призыв Тургенева».

<6> «Правильное истолкование»: «народ подлинный – в лице Санчо и Кихота»; «идеальность и бескорыстность идадьго и народная мудрость крестьянства – вот два типа, которые должны поднять экономику Испании, – вся идея Сервантеса. Положительный, но узкий идеал, так как будущее принадлежит буржуазии, и роль буржуазии в истории Испании Сервантес чувствовал».

В первой половине 1950-х гг. Бахтин в своих лекциях, согласно записям Балабаева и Белоключевского, говорил об истории рецепции романа Сервантеса несколько иначе, выделяя в ней следующие этапы.

<1> XVII – вторая половина XVIII в.: «на протяжении двух с половиной веков о Сервантесе как о серьезном писателе не говорят, книга его стала предназначаться для детей» [6, с. 292].

<2> Конец XVIII в. – английские сентименталисты: Лоренс Стерн «первый оценил серьезность “Дон-Кихота”... но он дал одностороннее и неверное истолкование. Для него это – величайшая апология, оправдание чудачества... По мнению Стерна, Сервантес дал в образе Дон-Кихота человека положительного, единственно возможного в условиях корысти, жадности» [6, с. 292].

<3> XIX в. – немецкие романтики (Фридрих Бутервек, Генрих Гейне, братья Шлегели). Далее Бахтин излагает суть концепции романтиков (включая Гейне): «Всякое бескорыстие, с точки зрения здравого смысла, смешно и ничего не дает. Но, в конце концов, люди “здравого смысла” идут за... энтузиастами. Это романтическое истолкование абсолютно неверно... Но здесь есть известная сила и глубина. Романтики писали в буржуазную пору, когда началось господство денег, чистогана, когда выше всего корысть и расчет. Этот буржуазный мир был отвратительный. И они (романтики) противопоставляли ему Дон-Кихота, его энтузиазм. Буржуазия и энтузиазм – два взаимоисключающие понятия» [6, с. 293]. Здесь же рассматривается статья-речь «Гамлет и Дон Кихот» (1860) И.С. Тургенева, который согласился с Гейне [6, с. 244]. (Бахтин имеет в виду слова Тургенева: «...Незадолго до его смерти – стадо свиней топчет его ногами... – и в самом этом безобразном приключении лежит глубокий смысл. Попирание свинными ногами встречается всегда в жизни Дон-Кихотов – именно перед ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию... Это пощечина фарисея... Потом они могут умереть. Они прошли через весь огонь горнила, завоевали себе бессмертие – и оно открывается перед ними» [8, с. 262].

Здесь же рассматривается и точка зрения английского романтика Дж. Г. Байрона, который роман Сервантеса «истолковывал иначе, но тоже односторонне»; «Байрон обвинял Сервантеса в том, что он убил в испанцах энтузиазм и честь» [6, с. 244]. (Имеется в виду фрагмент поэмы Байрона «Дон-Жуан»: «Насмешкою Сервантес погубил / Дух рыцарства в Испании: не стало / Ни подвигов, ни фей, ни тайных сил, / Которыми романтика блистала» [1, с. 441].)

<4> «Правильное истолкование», которое в данном случае Бахтин связывает с высказыванием Сталина: «Сталин выразил правильно сущность “Дон-Кихота”. Он говорил: “И великие люди могут сделать что-либо...”; «В беседе с Э. Людвигом т<оварищ> Сталин говорил: “Великие люди могут что-либо сделать, если они знают условия действительности. Но они будут подобны Дон-Кихоту, если они будут лишены элементарного чувства действительности”» [6, с. 244, 293]. Бахтин имеет в виду следующие слова Сталина, сказанные в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом (13 декабря 1931 г.): «У Маркса, в его “Нищете философии” и других произведениях, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди,

попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, именно по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, – делают историю. Так, по крайней мере, понимаем Маркса мы, русские большевики» [7, с. 106].

Лектор утверждает, что роман Сервантеса впервые переводится на английский язык во второй половине XVIII в. На самом деле впервые «Дон Кихот» был переведен на английский язык Томасом Шелтоном в первой четверти XVII в. (первая часть – опубликована в 1612 г.; вторая часть – в 1620 г.) [9]. В XVIII в. появилось еще шесть английских переводов шедевра Сервантеса [4]. Возможно, запись студента не совсем точна, и лектор имеет в виду не появление первого английского перевода романа, а факт публикации большого количества новых переводов, свидетельствующий об особом интересе к нему в этот период.

Отдельный вопрос в данной теме – испанская драматургия рассматриваемого периода (Ф. Лопе де Вега, Тирсо де Молина, П. Кальдерон).

Как при публикации предыдущих частей курса лекций Бахтина в записи Бебана, мы вносим в текст небольшие коррективы: в соответствии с его логикой объединяем или разделяем абзацы; расшифровываем сокращения; вставляем (в угловых скобках) пропущенные студентом, но необходимые по смыслу слова; при обозначении веков меняем арабские цифры на римские; в некоторых случаях при обозначении чисел цифровые символы заменяем текстовыми (буквенными); убираем сделанные студентом подчеркивания отдельных слов, фраз и предложений; меняем знаки препинания.

Очевидные орфографические и грамматические ошибки, неверные написания имен собственных исправляются нами без пояснений. Другие внесенные исправления оговариваются в постраничных сносках.

Ниже приводим фрагмент курса лекций Бахтина в записи Бебана, посвященный французской литературе эпохи Возрождения.

XVI–XVII <вв.> Испанская литература

Испания до второй половины XV в. была отсталой земледельческой страной даже по сравнению с отсталой Францией. Земледелие было очень раздроблено, это зависит от идадьго – системы хоз<яйства?> (хоз<яйствующих?>) феодалов. Но в связи с географическими открытиями (путь в Индию, открытие Америки) Испания очутилась в лучших условиях, чем Италия в Средиземном море. Испания владела Гибралтаром и лучше пользовалась путями. Мощный подъем благодаря притоку золота и серебра из Америки. Почти ½ мирового золота в первой половине XVII в. находилась в руках Испании. Но это обогащение было поверхностное: земледелие разорялось, коммунальное городское хозяйство не процветало, но зато процветала спекуляция – посредники, ростовщичество. Посредничество играло главную роль. Города не развивались.

XVI в. и начало XVII в. – эпоха авантюры в Испании. Заморские скитания, пиратство. Но страна нормально не развивалась. Даже мелкий землевладелец думал о выгодной наживе за счет Индии, Америки и других восточных (так в тексте! – *И. К.*) стран. Все стремились к аванюре. Не верили в возможность обогащения путем развития хозяйства. В этом отношении Италия глубоко отличалась от Испании, там люди развивали свое хозяйство.

Идадьгия – среднее и мелкое дворянство. Идадьгия была бедна, но пользовалась всеми правами в стране! Разрыв между гордостью и бедностью идадьго в XVI в. Впоследствии идадьго разорятся. Но из общества идадьго выходят культурные, образованные люди, носители культуры Испании той эпохи. Ремесла и торговля идадьго запрещались правительством, они беднели, но появилась возможность служить, где мало было выгоды, т. к. места давались средние и низкие. В XVI в. такие идадьго пускаются в авантюру с целью

обогащения. Фернандо Кортес организовал отряд и стал богатым за счет колоний. Вера в возможность чудовищного обогащения в рядах идадьго была велика.

<Луис де> Камозэнс (1525¹–1580) – португальский поэт, написал поэму «Лузиады»², которая прославляет колониальное могущество Португалии. В поэме рисует Васко да Гаму, нашедшего путь в Индию. Камозэнс – типичный человек эпохи возрождения морских держав с правильным мировоззрением. До него писавшие – Боккаччо, Петрарка, Рабле, Вийон – были сухопутные жители. Если до сих пор войны были на земле, то теперь история переходит на море. Судьба мира будет решаться на море – вот взгляды Камозэнса, вот идея его произведения. И это правильно, ибо судьба стран решалась на океане.

Камозэнс был не космополитом, а патриотом своей страны; он считал, что судьба мира зависит от Португалии, которая очень в выгодных географических отношениях: выход к океану. Мировоззрение Камозэнса связано с географической картой. Он выражал идеологию колонизации. Камозэнс был колонизатором идеальным – без корысти, без стремления к наживе, поэтому эта идеализация очень художественна и реальна.

(Непобедимая Армада Испании³ побеждена Англией в 1588 г. Англия становится мировой державой на море.)

Расцвет рыцарского романа в XVI в. «Амадис Гальский» (12 томов). В среде идадьгии рыцарский роман очень распространен, любим. Эти романы являются энциклопедическими и, прежде всего, «Амадис Гальский», так как там – все сюжеты: авантюра, научная сторона и прочее и прочее.

Плутовской роман в Испании был развит, как нигде в других странах. «Ласарильо с Тормеса» – первый плутовской роман. Городской человек – никто и ничто с точки зрения идадьго. Он желает жить!! Большая дорога, движение по ней – знаменитая черта плутовского романа. Случайные встречи со всеми прослойками общества («Мертвые души») заимствованы из плутовского романа. Плутовской роман пародировал рыцарский роман. Противопоставить себя рыцарскому роману – характерная черта плутовского романа. Этот роман послужил в дальнейшем почвой для создания реалистического романа. Его идея – не надо геройства, надо иметь хитрость и плутовские черты, а это характеризует черты нарождающейся буржуазии. Это пикарийский (пикарескный) роман. Образ пикаро – плута взят Сервантесом и придан (с изменениями) Санчо. Ростки буржуазии изображаются в плутовском романе XVI в.

Пасторальный роман также появляется в Испании наряду с плутовским романом – не в стихах, а в прозе. Сервантес увлекался плутовским романом. «Диана» <Хорхе> Монтемайора – пастушеский роман.

<Мигель де> Сервантес <Сааведра> (1547–1616) – богатого рода, но <впавшего> в бедность. Сервантесы – этот род был очень беден. Бедный идадьго, много приключений в жизни писателя. В алжирском плену⁴ на положении раба. Комиссия по выкупу пленных под руководством кардиналов. Учитывалась религиозность: не изменил ли учению Христа. Дела по обвинению в краже денег и тюремная жизнь.

«Разговор собак»⁵.

«Дон Кихот» – синтез всего предшествующего творчества Сервантеса. (Синтетическими и энциклопедическими чертами характеризуется все Средневековье – большие полотна литературы.)

В предисловии к «Дон Кихоту» Сервантес издевался над средневековой схоластикой. Сонеты-прославления в XIV–XV и XVI вв. пишутся во всех странах. Сервантес пародирует их. Неумеренное восхваление осмеивается. В пародийной форме осмеивается и рыцарский

¹Дата рождения Камозэнса в разных источниках варьируется. Чаще называется 1525 г., реже – 1524 г.

²В записи студента – «Лузиада».

³В записи лекции: «Непобедимая Армада Италии» – описка студента или оговорка лектора.

⁴В записи лекции: «в марокканском плену» – оговорка лектора; Сервантес находился в плену не в Марокко, а в Алжире.

⁵Варианты перевода названия этого произведения Сервантеса на русский язык: «Новелла о беседе собак», «Разговор двух собак», «Беседа собак» и др.

роман, плутовской (с большими дорогами, харчевнями), использован пасторальный роман и все виды, жанры. Но пасторальные сюжеты взяты не для высмеивания. Берутся все темы: и философия, и военный вопрос, и прочее. Рассуждения даются целостно – они не что иное, как воззрения самого Сервантеса (например, разбор библиотеки Дон Кихота).

Таким образом, роман «Дон Кихот» является синтетически-энциклопедическим. Используются все жаргоны: аргос (речь каторжников, плутов и т. д.). Все диалекты Испании XVI в. использованы автором в... романе. Таким образом, даже в смысле языка роман является энциклопедическим.

Идеологический замысел романа – защита испанского мелкого земледелия, разоблачение авантюры как отхода от земледелия.

В XVII и в первой половине XVIII в. «Дон Кихот» считался безыдейным произведением. Но во второй половине XVIII в. «Дон Кихот» понимается уже иначе – как глубоко идейное произведение. Переводится на английский язык. Англичане поняли роман как защиту интересов нарождающейся буржуазии в Испании и осмеяние мелкого землевладения – таким образом, роман упрощен и принимается в духе буржуазии. Но это и упрощение, и искажение идеи романа.

В конце XVIII и начале XIX в. – новое истолкование «Дон Кихота» романтиками Германии. Романтическое истолкование во многом прямо противоположно⁶ английскому истолкованию. Романтики считали героя «Дон Кихота» единственно правильным типом. «Надо мир понимать мечтой – говорят романтики. – Надо идти на подвиги, геройство, а харчевни – это не положительные черты романа». Романтики считали, что настоящая жизнь – это мечта о подвигах, геройстве. Тоже неверно.

Третье истолкование – Генриха Гейне. Близкое к романтикам, но и отличное. Он считает, что мечта Дон Кихота – замечательная его черта, хотя эта мечта не имеет пока под собой почвы. Дон Кихот смешон, но всякое подлинное величие до некоторой степени смешно. Великий человек до поры до времени смешон, но сделает подвиг. Так и Дон Кихот. Вторая черта – самоуверенность Дон Кихота. Активность, действенность, и, наконец, его бескорыстие и принципиальность.

Четвертое истолкование – <И. С.> Тургенева. «Гамлет и Дон Кихот» (прочитать). Тургенев примыкает к истолкованию Гейне: он подчеркивает положительную черту Дон Кихота – это его действие (следовательно, Кихот верит в свои подвиги). Тургенев противопоставляет ему Гамлета, который от убеждения не может переходить к делу. Русские люди много говорят, но мало делают, это гамлетизм – вот вывод Тургенева. Надо бороться против гамлетизма – призыв Тургенева.

Все эти истолкования очень упрощают роман, извлекают маленькую идею. Неисторичность этих истолкований – превращение действенности Кихота в символ.

Правильное истолкование. «Дон Кихот» – совсем не идеальный герой, это есть осмеяние феодальных взглядов, которые не соответствуют реальной действительности. Идеалом Дон Кихот не является, так как он оторвался от действительности. Но это не значит, что в Дон Кихоте – только пародия, и нет у него хороших качеств. Сам Сервантес – идадьго, поэтому он не мог уничтожить свой класс в лице Кихота и превратить своего героя в носителя идей буржуазии. Благородство идадьго Сервантес очень любил. Сервантес как бы научает, что надо идеологию идадьгии, не соответствующую реальной жизни, приспособить к новым обстоятельствам. Сервантес был против старой феодальной идеологии, которая примыкала к литературе XVI в., и призывал к тому, чтобы улучшить земледелие идадьгии – мелкое земледелие.

Гейне ошибается, делая знак равенства между идеалами прогрессивными и устаревшими. Ведь Кихот не имеет реальных перспектив в своем геройстве, а Гейне превозносит его до настоящего идеала.

⁶ В записи лекции: «прямо пропорционально» – оговорка лектора или ошибка студента.

В лице Санчо Сервантес видит подлинного крестьянина – народ, который совершенно бескорыстен, идеален (он следует за своим героем не за выгоду, а веря ему; правда, сначала он корыстолюбив, но это обусловлено необходимостью заработать себе кусок насущного хлеба). Таким образом, Санчо способен на бескорыстие; Санчо – обобщение народной мудрости. Санчо не оторван от действительности – земли, он реальный тип крестьянства. Санчо нуждается в вожде.

Сервантес считал, что здоровая сила испанского народа – это мелкие идалго и свободные крестьяне, которые ударились в корыстную авантюру и нуждаются в вожде. Необходимо и Дон Кихоту, и Санчо честно трудиться на своем куске земли, а не вести авантюру. Сервантес считает вождем крестьянства мелкого идалго. <Это> идеал романа.

Остальная Испания, по Сервантесу, есть Испания каторжников, плутов, мошенников, обманщиков, и только замечательные два человека, два класса в Испании – идалго и крестьянин, которые пока что изуродованы, но должны стать на правильный путь развития своего хозяйства. Народ подлинный – в лице Санчо и Кихота.

Апологетом буржуазии Сервантес не был, Сервантес – антикапиталист, но не в старом феодальном стиле.

25.IV.

Идеальность и бескорыстность идалго и народная мудрость крестьянства – вот два типа, которые должны поднять экономику Испании, – вся идея Сервантеса. Положительный, но узкий идеал, так как будущее принадлежит буржуазии, и роль буржуазии в истории Испании Сервантес чувствовал.

Испанская драматургия XVI – начала XVII <в.>

Блестящий расцвет драматургии тесно связан со средневековым театром народа. В Италии, например, в XV в. этой связи не было, и там комедия и трагедия назывались книжными и служили для маленького кружка придворной публики. Только комедия дель арте <ис>пользовалась широко – как в Италии, как и во всем мире. В Испании же эта комедия была развита, как нигде.

Много было форм драмы (ведь практиковалась и испанская интермедия, очень рано обособившись от церковной мистерии).

Испанская комедия достигла высшего расцвета во второй половине XVI в. и середине XVII в., она называлась комедией «плаща и шпаги». Главные герои комедии – идалго. Необходимый атрибут испанского идалго – плащ и шпага. Это первая особенность ее. Вторая особенность – народная комедия, изображение крестьян (крестьянская черта – народность), и иногда изображали горожан. Третья особенность – историческая драма. На эти три особенности распадается эта комедия.

Первая разновидность – «плащ и шпага» – заключается в том, что текст постоянный, а не импровизируется актером, как в комедии масок. Элемент пропаганды за католическую религию и испанскую монархию очень силен. Таким образом, комедия имеет влияние масок и включает пропаганду идеологии монархии. Комедия была для широчайших масс. В комедии фигура матроса была социальной. Нигде такого положения в социальной жизни матросы не занимали, как в Испании. Комедия «плаща и шпаги» очень народна и динамична, как и комедия масок и комедия дель арте. Поэтому фигуры слуг были наиуважаемыми в комедии – вот динамика!

Вторая народная комедия – крестьянская – также очень народна.

Третья комедия – историческая – носила отпечаток книжной, научной комедии. Но в исторических драмах представители народа были обязательны.

<Феликс> Лопе де Вега <и> Карпио (1562–1635). Беспринципность его. В кругу инквизиторов. Угождал публике, властям. Принцип его: писать как можно больше! 2 200 драм; не драма, а сценарий – из-за того, что маски были готовы, герои и героини постоянны,

изобретать сюжета не надо было. Сюжеты даны, актеры со своими кончетти⁷ тоже готовы выступать. Дошло свыше 500 драм.

Три основных разновидности сюжета всех драм Лопе де Веги, но изобретательность новых интриг замечательна.

Мотив мести – главный мотив испанской трагедии.

В содержании народной комедии иной элемент – плутовской: стремление к карьере. Этого элемента не было в комедии «плаща и шпаги». Карьеристом в народной комедии выступает тип Санчо.

«Овечий источник» – лучшая вещь Лопе де Веги. Совмещение народности с пропагандой католицизма и монархии – главная основа этой пьесы. Героизация крестьянского восстания, убивших наместника. Основная идея: крестьяне, народ – героичен и очень солидарен. Но в то же время всюду мотив: «Смерть тиранам, да здравствует король и Изабелла!» – кричат крестьяне.

Тирсо де Молина (1571–1648). Знаменует второй этап испанской драмы, когда драма еще не порвала связи с массами, с площадью, но она становится более камерной и книжной. Это объясняется кризисом в Испании, нарастанием феодально-католической реакции в стране, упадком в стране. Тирсо де Молина – реакционный и свой материал приспособлял к интересам католической реакции, он свои пьесы приближает ко двору, к высшим кругам, но элементы народности, площади еще сильны. Стил этого автора заключается в том, что в его пьесах наравне выступает элемент комизма и трагизма.

«Дон Хиль Зеленые штаны» – лучший образец.

«Севильский озорник, или Каменный гость»⁸ – вторая лучшая вещь. По легенде о Дон Жуане. Дон Жуан (Гуан) – историческая личность, страстный любовник XVI в., убит монахами⁹. Пушкин заимствовал образ, но выбросил черты плута, что выпятил в пьесе Тирсо де Молина.

<Педро> Кальдерон <де ла Барка> (1600–1681) – поэт иезуитизма. Творчество проникнуто религиозным мотивом. Возврат к средневековым традициям. Символичность его произведений. Утверждение призрачности земной жизни («Жизнь есть сон»). Служение Христу – тема. Это связано с дальнейшим упадком экономики Испании. Философско-символическая драма «Жизнь – сон». В основе: земная жизнь не реальна; потусторонний мир, царство Божие только и реально.

1. Байрон Дж. Г. Дон Жуан. М.: Художественная литература, 1964. 622 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Гейне Г. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Л.: Государственное издательство художественной литературы (Ленинградское отделение), 1958. 512 с.
4. Кешокова Е.А. «Досужий, праздный или просвещенный»: к истории английских переводов «Дон Кихота» Сервантеса // Вестник Литературного института имени А.М. Горького». 2016. № 4. С. 41–44.
5. Клюева И.В. Лекции М. М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана. Часть 6 // Бахтинский вестник. 2021. № 2(6).
6. Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: Красный Октябрь, 2010. 468 с.
7. Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 104–123.

⁷ Кончетти (от итал. concetti, от лат. conceptum – схваченное, выраженное) – блестящая мысль, остроумная выдумка, игра слов, вычурные, утонченные и неожиданные метафоры или аналогии; здесь – заранее приготовленные актерами тирады и диалоги на определенную тему (кончетти мольбы, ревности, упреков, восторгов и т. д.).

⁸ В записи лекции: «Севильский цирюльник, или Каменный гость» – оговорка лектора или ошибка студента.

⁹ Прототип легендарного Дона Жуана – представитель аристократического севильского рода дон Хуан Тенорио – жил не в XVI, а в XIV в.; был убит представителями монашеского рыцарского ордена Калатравы в отместку за смерть командора ордена дон Гонсало де Ульоа и похищение его дочери.

8. Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 10-ти тт. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 344 с.
9. Chisholm, Hugh (ed.). Shelton Thomas // Encyclopædia Britannica. Vol. 24. Cambridge Univ. Press, 1911. P. 833–834.

**M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature
recorded by M.A. Beban
Part 7**

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva

© 2022 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate in Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library and Informational resources,
analyst of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russia

Annotation. The publication presents a fragment of lectures by M.M. Bakhtin, read at the Mordovian State Pedagogical Institute (now N.P. Ogarev Mordovia State University) in the second semester of the 1936/37 academic year and recorded by a Moksha-Mordovian writer, one of the founders of professional Mordovian literature, at that time a student of the Faculty of Literature M.A. Beban (Byabin). The fragment examines the history of the Spanish literature of the XVI–XVII centuries. The topic of the Portuguese literature of the aforementioned period is also touched upon (the work of L. de Camões is briefly analyzed). The features of the development of the main types and genres of the Spanish literature are revealed: epic (the novel – knight, picaresque, pastoral) and dramaturgy. The main attention is paid to the works of M. de Cervantes, F. Lope de Vega, Tirso de Molina, P. Calderon.

Keywords: M.M. Bakhtin, M.A. Beban, lectures on the history of literature, Spanish literature, M. de Cervantes, F. Lope de Vega, Tirso de Molina, P. Calderon.

1. Bajron Dzh. G. Don Zhuan. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. 622 s.
2. Bahtin M.M. Sobrańie sochinenij. T. 3. M. : Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 880 s.
3. Gejne G. Sobrańie sochinenij. V 10 t. T. 7. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury (Leningradskoe otdelenie), 1958. 512 s.
4. Keshokova E.A. «Dosuzhij, prazdnyj ili prosveshchennyj»: k istorii anglijskih perevodov «Don Kihota» Servantesa» // Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo». 2016. № 4. S. 41–44.
5. Klyueva I.V. Lekcii M. M. Bahtina po istorii zarubezhnoj literatury v zapisi M.A. Bebana. Chast' 6 // Bahtinskij vestnik. 2021. № 2(6).
6. Klyueva I.V., Lisunova L.M. M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk : Krasnyj Oktyabr', 2010. 468 s.
7. Stalin I.V. Beseda s nemeckim pisatelem Emilem Lyudvigom 13 dekabrya 1931 g. Stalin I.V. Sochineniya. – T. 13. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. S. 104–123.
8. Turgenev I.S. Sobrańie sochinenij. V 10-ti tt. T. 10. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. 344 s.
9. Chisholm, Hugh (ed.). Shelton Thomas // Encyclopædia Britannica. Vol. 24. Cambridge Univ. Press, 1911. P. 833–834.

(XVI-XVII) Испанская литература.

Испания до 2-й пол. 15 в. была одной из передовых стран Европы по сравнению с отсталой Францией. Здесь еще не было еще рабства, это зависело от арабов - мавров доз. рабовладель. Но в 15 в. с географ. открытием/путем в Индию, Амер. Восток, Испания получила в лучших условиях, чем другие страны, земли и мор. Испания вела себя в Балтике и в Европе по 16 в. путь был. Военные подвиги Колумба и Кортеса золота и серебра из Америки. Потрясающий мировой войны в XVII в. пол. 17 в. нах. в руках Испании. Но это общество было подвержено познанию: здесь еще было

разрушен, коммунальное хозяйство
не укреплено, но зато процветала
сеньориальное — посредническое, рождившее
сеньориальное государство. Государство
сеньориальное не развивалось.

XVI в. и нач. XVII в. — эпоха авантюры
в Испании. Заморские скитания, ирраци-
ональность. Но страна нормально не раз-
вивалась, даже наш земледель-
ческий и животноводческий хозяй-
ства, Америки и др. восточных стран.
Все шло к упадку и авантюре. Не верили
в возможность обогащения путем раз-
вития хозяйства. В этом отношении про-
изводило глубоко отстал. от Испании, там
люди развивали свое хозяйство.

Идабон — среднее и мелкое дворян-
ство. Идабон была бедно, но почиталась
как все правами в стране! Развивалась
от ее разложения и бедности идабонского
XVI века. Вследствие идабонского разложения.

то из общества идабонского выходили кустар-
ные, образованные люди, носители кустарных
испанских ремесел.

ремесла и торговля, развивались ира-
ционально, от бедности, но развивались воз-
можность служили, как мало было выгодно,
т.к. ирабон была из средних и кустарных.

В XVI в. такие идабонские кустары в алакан-
тиру с целью обогащения. Фернандо
Кортес организовал отряд и воевал с
ацтекскими. Вера в возможность
удовлетворительно обогащения в алакан-
тиру была велика.

Камоэнс (1525-1580). Португальский поэт,
написавший поэму "Луизиада",
к-рая прославляет Колумба и его
владения Португалии. В поэме рисуются
Васко да Гама - намереваясь идти в Индию.

Камоэнс - типичный человек эпохи
возрождения морских открытий и пра-
вильного мировоззрения. До него ни-
савшие: Покатство, Темнота, рабство, Рок,
Блуд, сухонурные эфирки. Если до сих
пор войны шли на земле, то теперь
испытываешь переход на море. Судьба
мира решается на море. - Вот взгляд
Камоэнса. Вот идея его произведения и
его правдивость, ибо судьба мира решается
на океане. Камоэнс был не космопо-
литом, патристом своего времени. Он
считал, что судьба мира зависит от Порту-
галии, к-рая идет в восточной географии
от Индии к океану.
Этот мировоззрение Камоэнса связано
с географической картой. Он вложил
идеологию колонизации.

Камоэнс был колонизатором и идеологом
без морали, без суровости. Но он называл
поэтому эту идеологию светлым гуманиз-
мом и переживал.

[пейзажная аркада и др. побеждена фаталь 6/5/88
пох. в Англ. Грэнвилл-с-мурской державой на море]

Рисует французский роман в XVI в. "Ама-
дис Габский" (12 томов). В среде французских
романов роман этот распространён - много
эти романы эвентуры, эвентуры, эвентуры,
и презирает всего "Амандис Габский", Г. К. Габ,
все сюжет: авантюра, магия, чудеса
и пр. и пр.

Французский роман в Англии был рождён
как книга в орудиях. "Амандис"

"Пасариха из Торреса?"

Батиста Пичино - первый пичиноский роман. Городской человек - писатель и писатель с точки зрения идеологии. Он написал книгу: "Полный словарь и движение романов - пичиноский роман. Случайные встречи с всеми проблемами общества. (Пичиноский роман) - взломщик из пичиноского романа. Пичиноский роман пародировал рыцарский роман. Противопоставил себя рыцарскому роману - характерная черта пичиноского романа. Этот роман послужил в качестве ^{ролика} для создания реалистического романа. Это не-каждо перо, но кто знает пичиноский пичиноский роман - это характерная черта пичиноского романа. Это пичиноский роман. Образ Пикаро - пичиноский Сервантесом и пичиноский (с измечением) Канто. Ростки буржуазии изображаются в пичиноском романе XV/V.

Пасторальный роман также появляется в Испании наряду с пичиноским романом, не в стихах, а прозе. Сервантес увлекался пасторальным романом.

Висама - монтматара - пичиноский роман.

(1547-1566) Сервантес - богатого рода, но в молодости бедный и бедный. Этот род был очень беден. Бедный и бедный, много приключений в жизни писателя. Пичино в марокканском плену на положении раба. Комиссар по викарии пичино под руководством кординалов. Пичиноская религиозность: не чтение и чтение Христа. Пичиноская по обличению. В конце века и пичиноская миссия.

2. "Разговор собак"

"Дон Кихот". Сумма всего своего предшественного творчества Сервантеса.

Синтетическим и энциклопедическими чертами характеризуются средневековые большие поэмы и театры.

В предисловии "Дон Кихота" Сервантес издевается над средневековой схоластикой. Сократ - прославленный в 14-15 и 16 в. пишется во всех странах. Сервантес пародирует и Кечмеренко восточные - ославляется. В народном и форме ославляется, а рыцарский роман, и купавкой (с возмущением бродяги, картежники, пасторальный роман и все видоизменен. Но пасторальные сократ не взял не из вневывающих. Берутся все темы: и философия, и военный вопрос и пр. рассуждения даются целесообразно не так иное, как воззвание самого сервантеса (наприм. разбор Библии "Дон Кихот") т.о. роман "Р. К." является синтетическим - энциклопедическим

Использовать все материал: ортодокс, каррикатура, и т.д. Все издано Испанией 16 в. использовать автором в своем романе. Т.о. даме все это эпика роман является энциклопедическим.

Идеологический замах романа. Защита испанского языка и культуры, разоблачение абсолютизма. Дон Кихот от Зензена.

В 17 и в 18 в. Т. н. XVIII в. «Дон Кихот»
считался блестящим произведением.
но во 2-й пол. XVIII в. «Дон Кихот»
понимался уже иначе — как ту-
бово идеальное произведение. Перевод
на англ. яз. Англичане по-прежнему
роман как защита интересов париж-
ских буржуазии в Испании и
ослепленные мелкого земледельца. т. о.
роман упрощен и упрощен в духе
буржуазии / Но это и упрощение и иска-
жение ~~идеи~~ идеи романа.

В конце XVIII и нач. XIX в. новое изложе-
ние «Дон Кихота» романтическая вер-
сия. романтическая изложение
во многом трансформировано
англ. изложением. романтическая вер-
сия «Дон Кихота» единственно
правильная и по и / надо мир пони-
мания мечты — говорят по картинке,
надо идти на бой, геройство, а
картина — это не политическое
героическое. романтическая версия
~~только~~ это поэтический миф — это мечта
о подвигах, героизме. — Это не верно.

3-е изложение Бенрикс Гейне. Т. н.
к романистам, но ~~то~~ и отлитное.
опишет эту мечту «Дон Кихота» — замор-
ское его героя, хотя эта мечта
не и идеальная ^{пока} свобода ~~то~~ поэзия.
«Дон Кихот» сиемон, но все же подлин-
но великий до некоторой степени
сиемон. Великий человек до того
великий сиемон, но ~~зачем~~ поэзия.

так и Дон Кихот. 2-я картина: самоуверенность Дон Кихота / Адаптация - философская и психологическая, философская и прикладная.

48 ~~Туркенева~~ Туркенева "Гамелин и Дон
Кихот (продолжение). Туркенева пишет.
Сам к истине. Гамелин подготавливает
поломившуюся гитару Дон Кихота - это
его действие (следовательно, Кихот ве-
рит в свои подвиги). Туркенева про-
вопоставляет ему Гамелина, к рому
он убежденно не может перейти
к делу. Русские люди много повторяют
по моему мнению, это гамелин и Дон
Кихот Туркенева. Кадо Борова и др.
заключают - ищут Туркенева.
Все эти дворяне и др. угрожают
роман, в котором маленького и др.
некоторые эти исторические
предметы и др. Туркенева
всем.

Трагическое изображение. Дон Кихот совсем не идеальный герой, это отчаяние феодалов ~~вот~~ ^{идея} ~~бунтар~~, к-рые не соответствовали ~~иде~~ реальной действительности. Идеалом дон Кихот не является т.к. он оторван от действительности. Но это не главный, это его вторичная черта, и не у него хороших качеств. Сам Сервантес — идеал, потому что он в своем произведении свой идеал проецирует своего героя в космос и в мир окружающих. Идеалом идеала Сервантес был новый идеал — Сервантес как бы наглядный, типичный идеологический идеал, не соответствующий реальной жизни.

способности и новым образами.
Сервантес был против старой феодальной
идеологии, к-рая принакала к аванюре /в
и призывал к тому, чтобы учредить зем-
делие и давало. — Мелкое феодальное.

Также писатель, хотя знает равенство между
идеями прогрессивным и ретроградным.
(Ведь Кикот не имеет реальных перспектив
в своем героическом, а также превращении
во народного идеала).

В лице Санчо Сервантес видит подлинное
крестьянина — карот, к-рый совершенно
бескорыстен, идеален. Он следует за своим
героем не за властью, а вера в него; правда
спасла от корыстолюбия, но это обу-
ловлено необходимостью заработать себе
кусочек насущного хлеба). т.о. Санчо
способен на бескорыстие; Санчо — олице-
ствие народной мудрости, Санчо не отор-
ван от действительности — земли, он
реальный тип крестьянина. Санчо пуга-
ется в войне.

Сервантес знает, что государство
испанского народа это мелкое и да-
вольное крепостное, к-рое ударило
в корыстолюбивую авантюру и пугается
в войне. Небось и до Кикоту
и Санчо трудно трудиться на своем
кусочке земли, а не вести авантюру.
Сервантес знает во всем крестьян-
стве мелкое и давольное. — Но
рожа.

Остатки Испании еще по Сервантесу
еще Испания Каторжников, пугав,
мачетников, в мачетниках. А это
замечательное это человека, да

класа в Испания: и дадено и ~~до~~ кре-
стианци, крпе пока тие изуродоват
но они да имаат сраз на правде-
та и да развинуваат своето и да се тва-
рат подчинени на лице Санчо и кинот
аналогично буржуазии Сербантес
не били, Сербантес - антуражната мајина
не в старомодна класна смисла
25. IV. Идеалност и бескористност идеално
и народна и широк крестянина -
{вот два типа, коишто важат подна-
стоколински Испания, - вся идеја Сербантес
положителна, но утврдена идеја т. к.
буржуазна припадност буржуазии и
роля буржуазии в историја Испания
Сербантес изобличава.

Испанската драматургија /ви наглед/

Познатиот рајет драматургии. Теско свазана
со средновековни театро и народа. В Италија,
на пример, в 15 в. тоа сваз не било и ра-
ководител на теат. раз. книжков и сур-
диз маленката итудика изведениот шур-
тудика
✓ Комедија дель арте - та постојала широко
и в Италија во селен мир.

В Испан. ме ера ком. била рафна каи
ниде. Инов било форми драми (сент пред-
ставата на испанската итудика, огеграко
обособивање от церковен мислени)
Испанска комедија воизлеа вкисмено
расувер во бур. кон XVI в. и средине
XVII в. - оне казивааат комедии, итудика
и спани - главн. герои ком. - и дадено,
необходниот антураж испанска. и дадено -
псанз и спана. ера 15 обособено от,

2-я словесность — ^{народная комедия} изображение крестьян, крестьянская жизнь — народность, и иногда юмор. горожане.

3-я особ. — историческая драма. На эти 3 особенностях распадается эта комедия. Первая разновидность — «пача и пача» — так называется в юм., что здесь построены, а не исторически, как в комедии масок. Элементы пропаганды, а короче — историю религию и испанск. монархическую систему. Т.о. Комедия имеет в себя две масок и заодно пропаганду идеологии монархии. Комедия была для широкой массы. В том фигура майора ака. Сидальмо. Рядом майор по имени в сц. майор майор не занимают как в испанск. комедия «пача и пача» очень народна и динамична как и комедия масок и комедия без арто, поэтому фигура сир. били нау-важало в комедии — от бикалика.

2-я народная ком. — крестьянская — так же очень народно.

3-я Ком. историческая посвящена отпору Кр. и Кр. комедии. Но в истории. драмах представителю народа были обязанности.

Lope de Vega (1562-1635). Писатель.

Лопе де Вега — поэт. В кругу инквизиции. Чуждались юмору, в сцене. Принцип его: писать как можно больше! Драма, не драма, а сценарий из-за того, что масок были готовы, герои и героини построены, а сюжет сюжета не надо было. Сценарий давал актеру со своим коллективом ролью готов. Писатель, очень много сценариев 500 драм. 3 основных разновидности сюжета всех драм Лопе де Вега. Но изобретательство новых штрихов сценария.

истинности - главный мотив исп.
трагедии.

В содержании народной комедии много
элементов - плутовской: сурреализм к
карге. Этого элемента не было в исп.
"плахи и испан". Каргерисом в народн.
ком. Вступающий тип санто.

"Обетный источник" - лучшая вещь
Лопе де Вега. совмещение народности
с пропагандой карлицизма и монархии
- главная основа этой пьесы. Героизация
крестьянско-вогнаний, убившие наем-
ника. Основная идея: крестьянский народ
героичен и очень сообразен. Но в то же
время всюду мотив: "Смерть тиранам, да
здравствуй король и изобилует!" - кричал
крестьяне.

Пьеро де Молино (1571-1648) знаме-
нитый 2-й этап испанск. драмы, когда
драма еще не получила связи с мас-
сами, с обществом, но она становится
более камерной, интимной. Это объяс-
няется кризисом в Испании, в эпоху
нарастающей феодальной реакции
идущей в стране, упадком в стране.
Пьеро де Молино - реакционный и свой
материал приспособляет к интересам
карикатурной реакции, он свои пьесы при-
мечает к дворцу, к высшему кругу, но не
теряет народности, и потому еще имеет
своего этого автора как и все остальное в то же время
всю пьесу каравне выступают эле-
менты комизма и трагизма.

"Дон Хуан" знаменитая пьеса - лучшая
драма. "Свободный духом" типичен
комический герой - вольный, лучшая
вещь по мнению о дон Хуане.

дон Хуан-Хуан - историческая личность,
вымышленный персонаж повести 16 века,
убит монахами. Трикстерская фигура,
проз, но впрямь есть миф, что в
паре с Абеле Турса 20 можно.

Калдерон (1600-1681), поэт и драматург.
Творчество противостоит религиоз-
ным мифам. Возврат к средневеко-
вым традициям. Символическое его
проникновение. Утверждение призрачно-
сти земной жизни ("Жизнь есть сон").
Существо Христу - тема. Это связано
с действом уродком эпохи Ивана-
Али. Философско-символическая драма
"Жизнь - сон". В основе: земная жизнь
не реальна, потусторонний мир, цар-
ство Божие гораздо и реально.

«Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет»

© 2022 С.А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва. Саранск, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, научная биография, «Вопросы литературы и эстетики», Д.В. Затонский, Г.М. Фридлендер.

«Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет» – сборник статей М.М. Бахтина, вышедший в издательстве «Художественная литература» в 1975 г. Сборник занимает особое место, поскольку представляет собой не монографическое исследование научной проблемы (как книги о Ф.М. Достоевском и Ф. Рабле), а набор текстов разных периодов, не всегда объединенных общей темой. Даже на фоне академического собрания сочинений мыслителя [3], одного из важнейших достижений современной отечественной гуманитаристики, сборник «Вопросы литературы и эстетики» продолжает сохранять свое значение как издание, выход которого изменил образ М.М. Бахтина в отечественной и зарубежной науке. Перед читателем предстал Бахтин–философ и методолог, теоретик литературы, новаторские идеи которого легли в основу новых подходов в гуманитарных исследованиях.

Это последняя из книг, в подготовке к изданию которых М.М. Бахтин принимал участие. 15 марта 1973 г. Л.Е. Пинский писал Г.П. Струве: «Мих. Мих. Бахтин (с прошлого года он переехал в Москву и живет по соседству) просил передать Вам привет. Вчера я навестил его <,> и мы беседовали о Вас и Вашей деятельности, о которой он самого высокого мнения. После смерти Елены Александровны (его жены) в конце 1971 года М.М. долго и тяжело хворал, одно время мы мало верили в его выздоровление, но теперь он, слава Богу, выздоровел и готовит сборник своих статей, который должен выйти в будущем году, там будет немало новых работ» [цит. по: 9]. Сборник был сдан в набор 18 ноября 1974 г., а подписан в печать уже после смерти мыслителя – 15 июля 1975 г.

Как отмечено в предваряющем книгу вступлении «От издательства», «публикуемые труды <...> дают представление о единстве и целостности научного творчества М.М. Бахтина. Главные темы его творчества – теория романа и литературно-художественного слова – объединяют собранные в настоящей книге работы» [2, с. 5].

Первоначально сборник имел заглавие «К вопросам методологии эстетики словесного творчества». Оно было дано по первому названию бахтинской работы 1924 г., первая часть которой известна как «Проблемы формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве». Внутренними рецензентами сборника выступили известные советские литературоведы Г.М. Фридлендер [7] и Д.В. Затонский [4], с работами которых Бахтин был знаком: в личной библиотеке мыслителя сохранились подаренные Фридлендером книги [8, с. 229, 230], а диалог Бахтина и Затонского начинается, можно сказать, в начале 1960-х гг. с чтения Бахтиным статей Затонского в «Вопросах литературы» (экземпляры журнала, принадлежащие мыслителю, сохранили его карандашные пометы на полях статей младшего современника) [6, с. 119, 120].

Рецензенты представили издательские отзывы, содержащие высокую оценку составивших сборник работ. Эти отзывы послужили основой для рецензий Затонского [5] и Фридлендера [10] о книге М.М. Бахтина в печати.

Сборник «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет» стал заметным событием в научной жизни второй половины 1970-х гг. Среди откликнувшихся на выход сборника был С.С. Аверинцев, отметивший поразительную актуальность бахтинских текстов. «Разработанная

Бахтиным поэтика – это поэтика свободы, – подчеркивает исследователь. – Мысль Бахтина искала прежде всего широких эвристических перспектив, а не “научных результатов” в обычном смысле. Сказанное им сказано не для того, чтобы читатель доверчиво принял его тезисы как “последнее слово науки” или, напротив, принялся их оспаривать и опровергать, но для того, чтобы самое устройство головы читателя по прочтении книги стало иным. Согласны не согласны – не тот разговор: есть книги, после которых нельзя работать по-старому» [1, с. 61].

1. *Аверинцев С.С.* Личность и талант ученого // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 58–61.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т.1–6. М.: Рус. словари; Яз. славян. культур, 1996–2012.
4. *Дубровская С.А., Лунина И.Е.* «...На вечное хранение...»: несколько замечаний к издательской истории книги М.М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики» // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 60–63.
5. *Затонский Д.* Об эстетике, поэтике, литературе // Вопросы литературы. 1977. № 4. С. 254–263.
6. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010.
7. *Осовский О.Е., Дубровская С.А.* «...Является высшим достижением советского литературоведения в области исторической поэтики»: отзыв Г.М. Фридлендера о рукописи М.М. Бахтина «К вопросам методологии эстетики словесно-художественного творчества» (Предисловие, подготовка текста и примечания О.Е. Осовского и С.А. Дубровской) // *Studia Litterarum*. 2022 (в печати).
8. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.–сост.: И.В. Клюева, Н.Н. Земкова; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
9. *Устинов А., Лекманов О.* «Я вспомнил одну из немногих моих встреч с О.М. ...»: Письма Л.Е. Пинского к Г.П. Струве // Новое лит. обозрение. 2018. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/154_nlo_6_2018/article/20442/ (дата обращения: 15.05.2022).
10. *Фридлендер Г.* Реальное содержание поиска // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 61–64.

Questions of literature and aesthetics. Studies of different years

© 2022 S.A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*N.P. Ogarev National Research Mordovia State University
Saransk, Russia*

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Key words: M. Bakhtin, scientific biography, «Questions of literature and aesthetics», D. Zatonsky, G.M. Friedlander.

References

1. *Averincev S.S.* Lichnost' i talant uchenogo // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 58–61.
2. *Bahtin M.M.* Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let. M.: Hudozh. lit., 1975. 504 s.
3. *Bahtin M.M.* Sbranie sochinenij: v 7 t. T.1–6. M.: Rus. slovare; Yaz. slavyan. kul'tur, 1996–2012.
4. *Dubrovskaya S.A., Lunina I.E.* «...Na vechnoe hranenie...»: neskol'ko zamechanij k izdatel'skoj istorii knigi M.M. Bahtina «Voprosy literatury i estetiki» // Centr i periferiya. 2020. № 4. S. 60–63.

5. Zatonskij D. Ob estetike, poetike, literature // Voprosy literatury. 1977. № 4. С. 254–263.
6. Klyueva I.V., Lisunova L.M. M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk, 2010.
7. Osovskij O.E., Dubrovskaya S.A. «...YAvlyaetsya vysshim dostizheniem sovetskogo literaturovedeniya v oblasti istoricheskoy poetiki»: otzyv G.M. Fridlendera o rukopisi M.M. Bahtina «K voprosam metodologii estetiki slovesno-hudozhestvennogo tvorchestva» (Predislovie, podgotovka teksta i primechaniya O.E. Osovskogo i S.A. Dubrovskoj) // Studia Litterarum. 2022 (v pechaty).
8. Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina / avt.–sost.: I.V. Klyueva, N.N. Zemkova; nauch. red. N.I. Voronina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.
9. Ustinov A., Lekmanov O. «Ya vspomnil odnu iz nemnogih moih vstrech s O.M. ...»: Pis'ma L.E. Pinskogo k G.P. Struve // Novoe lit. obozrenie. 2018. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/154_nlo_6_2018/article/20442/ (data obrashcheniya: 15.05.2022).
10. Fridlender G. Real'noe sodержanie poiska // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 61–64.

«Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)»

© 2022 С.А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, научная биография, народно-смеховая традиция, «Рабле и Гоголь», история литературоведения в России, история рецепции творчества М.М. Бахтина.

«Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» – статья М.М. Бахтина, часть которой первоначально завершала диссертацию «Рабле в истории реализма» (1940). Вступление к статье и дополнения относятся к 1970 году, поэтому при публикации автором указаны две даты: 1940, 1970. Статья была напечатана под названием «Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь)» в 1973 году в сборнике «Контекст», издававшемся сектором теории литературы ИМЛИ АН СССР. В 1975 году была перепечатана под названием «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» в сборнике «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет».

Декларированный статьей научный сюжет вписывается в общую картину длительного и противоречивого процесса восприятия бахтинских идей отечественной гуманитаристикой. «Гоголь и Рабле» – так можно обозначить выбранный отечественным литературоведением ракурс рассмотрения этой научной проблемы.

В первых официальных отзывах на монографию М.М. Бахтина «Рабле в истории реализма» (для Гослитиздата, декабрь 1944 г.) звучат положительные оценки обозначенной проблемы, намечающей, по мнению рецензентов, широчайшие перспективы в изучении русской литературы (Б.В. Томашевский, А.А. Смирнов). Официальные оппоненты диссертации Бахтина (А.А. Смирнов, И.М. Нусинов, Е.В. Тарле) отмечали новаторский характер фрагмента «Гоголь и Рабле», называя показанное типологическое сходство смеха Рабле и Гоголя открытием нового направления в истории русской литературы. Так, Тарле писал: «Русских историков литературы несомненно заинтересует связь и параллели, которые автор устанавливает между Раблэ и Гоголем» [2, т. 4(1), с. 1015].

Дискуссия, развернувшаяся на защите (15 ноября 1946 г.), показала решительное неприятие (а в какой-то мере и боязнь) выбранного Бахтиным аспекта рассмотрения творчества Гоголя. Так, историк русской литературы Н.К. Пиксанов рекомендует прежде показать развитие раблезианской традиции в русской литературе и не универсализировать идею смеха: «И я боюсь, что когда мы будем осмысливать народность или ненародность движения только в аспекте смеха, мы любую народность – средневековую или русскую – снизим и укоротим» [2, т. 4(1), с. 1038].

Тон высказанных рекомендаций выявляет идеологизированную заостренность взгляда на научную проблему. Еще более очевиден перевод проблемы в политический контекст в выступлениях М.П. Теряевой и Е.А. Домбровской, откровенно искажавших идею Бахтина. Теряева, доказывая необходимость классового подхода, запальчиво повторяет «Неправильно это!», Домбровская прямо называет мысль о соположении творчества Рабле и Гоголя порочной.

В ответе Бахтин, не вступая в прямую полемику, объясняет свое видение проблемы, настаивая на важности обращения к ранее не учтенным элементам влиявшей на Гоголя смеховой традиции [2, т. 4(1), с. 1058].

Идеологический аспект спора, прозвучавший во время защиты, нашел свое продолжение в известной истории с рассмотрением диссертации в ВАКе в 1947–1952 гг. В опубликованной в газете «Культура и жизнь» заметке В.Н. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения» [см. подробнее: 5], критикующей, по свидетельству Е.М. Евниной, работу руководства ИМЛИ АН СССР, автор прямо называет диссертацию Бахтина «фрейдистским», «псевдонаучным трудом», а работу Ученого совета примером «безответственного, антигосударственного отношения к присуждению ученых степеней» [7, с. 117].

Диссертация М.М. Бахтина не случайно была выбрана автором заметки в качестве объекта критики: защита Бахтина, по свидетельству современников, имела определенный резонанс в московских научных кругах. Так, фигура Теряевой, выступающей во время защиты Бахтина, появляется на страницах «духовного завещания» Л.Е. Пинского «Парафразы и памятования» (1979) [20, с.453], а образ самого соискателя приобретает в одном из пассажей современников черты фольклорного героя [19, с. 117].

Примечательно в этой связи впервые опубликованное В.И. Лаптуном письмо Г.С. Петрова к М.М. Бахтину (начало апреля 1948 года), фиксирующее спокойное настроение комиссии по отношению к бахтинской диссертации: «Есть надежда, что просьба о присвоении степени доктора будет удовлетворена» [12, № 3, с. 182]. Однако, как известно, сложившаяся ситуация ставила под сомнение присуждение ученой степени вообще. Борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом сделала сюжет «Гоголь и Рабле» политически криминальным. Для А.В. Топчиева и А.М. Самарина очевидна крамольность сопоставления Гоголя и Рабле, они не рассматривают проблему как научную. Так, Топчиев прямо предлагает диссертацию «взять на контроль в связи с космополитизмом, проявленным в работе: Гоголь подается как подражатель <...> Хорошо было бы дать на контроль и, может быть, опубликовать замечания, а затем уже решить вопрос о присуждении степени кандидата» [2, т. 4(1), с. 1093].

Результатом высказанных замечаний стало исключение Бахтиным из диссертации фрагмента «Рабле и Гоголь», что, наряду с другими поправками, сделало возможным присуждение ему степени кандидата филологических наук в 1952 г.

Новый отрезок в истории сюжета «Гоголь и Рабле» приходится на конец 1950-х – начало 60-х гг. и связан с ситуацией «возвращения Бахтина» в отечественную гуманитарную науку, случившееся, как известно, благодаря усилиям С.Г. Бочарова, Г.Д. Гачева, В.В. Кожинова, Л.Е. Пинского, В.Н. Турбина и др. [3; 8].

Во внутренних рецензиях, сопровождающих издание книги о Рабле, сюжет получает дальнейшее развитие. Так, Л.Е. Пинский, разделяющий мнение Бахтина об «освещающем значении Рабле» [2, т. 4(1), с. 17], актуализирует гоголевский сюжет, признавая органичность традиции гротескного реализма для Гоголя. Гоголевская составляющая раблезианской традиции представляется Пинскому настолько важной, что он считает необходимым напомнить о ней в рецензии на рукопись, в которой этот фрагмент отсутствует: «...изучающего русскую литературу, – подчеркивает Пинский, – заинтересуют страницы, посвященные связи Гоголя с гротескным реализмом (к сожалению, они отсутствуют в настоящей редакции работы, но они имелись в первоначальной, хранящейся в архиве Института мировой литературы) [21]. При публикации рецензии на книгу Бахтина в «Вопросах литературы» Пинский «снял» реплику о гоголевских страницах [22].

В ответ на полученную рецензию Л.Е. Пинского Бахтин в письме к нему (21 февраля 1963 г.) сообщает о своем намерении не только восстановить, но и расширить гоголевские страницы, а также «коснуться элементов карнавальной культуры у Пушкина» [2, т. 4(2), с. 654]. Можно предположить, что Бахтин планировал говорить о судьбах карнавальной культуры в русской литературе, возможно, в русле идей четвертой главы «Проблем поэтики

Достоевского». Как известно, планы остались нереализованными, но гоголевские страницы в рукописи монографии были восстановлены. В редакционном отзыве, написанном А.Г. Соловьевым 8–11 ноября 1964 г. [2, т. 4(2), с. 667–676], прозвучало выразительное размышление о раблезианском «следе» в творчестве Гоголя. Рецензент видел проявление карнавальной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде», но считал примеры из «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» [2, т. 4(2), с. 672–673] формальными, не имеющими оснований.

Эта тема опосредованно возникает три года спустя в статье В.В. Кожина «К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века)», опубликованной в журнале «Вопросы литературы». Кожин фактически вводит в научный оборот бахтинский сюжет «Гоголь и Рабле», говоря о присутствии в рукописи диссертации М.М. Бахтина соответствующей проблемы [9, с. 61]. Представленная в статье Кожина бахтинская концепция гоголевского смеха, выпадающая из традиционного (прежде всего «классового») истолкования поэмы «Мертвые души», инициировала выступления исследователей, в корне не согласных с предложенным прочтением. В последнем номере «Вопросов литературы» за 1968 год в рубрике «Трибуна литератора» журнал публикует статьи А. Дементьева «Сомнительная методология» [4] и Д. Николаева «Сатирическое отрицание и отрицание сатиры» [17].

Полемика с Кожинным и Бахтиным актуализировалась Николаевым в 1984 году во введении к монографии «Сатира Гоголя», тринадцать (из шестнадцати) страниц которого посвящено рассмотрению «природы карнавального смеха и его соотношению со смехом сатирическим» [18, с.7]. Признавая несомненную заслугу идей М.М. Бахтина, заметно ожививших, по его мнению, литературоведение последних десятилетий, Николаев подробно анализирует статью «Рабле и Гоголь». Исходный посыл полемики – «почему же М.М. Бахтин объявил смех Гоголя не сатирическим?» [18, с. 18] – заостряет сущностную сторону проблемы. М.М. Бахтин, пишущий о гоголевском смехе, имеет в виду существование двух типов сатиры – сатиры смеховой и сатиры серьезной. Для Николаева же существует единый сатирический смех и поэтому, стремясь доказать неправоту бахтинского понимания значения слова, полемизируя с ученым, он фактически подтверждает его мысль о «смеховой сатире» Гоголя: «Сатирический смех – тоже одновременно и отрицает и утверждает» [18, с. 9].

Полемические отклики на статью В.В. Кожина прозвучали в 1972 году в монографии Елистратовой А.А. «Гоголь и проблемы западно-европейского романа» [6]. Полемизируя с Кожинным, а фактически с Бахтиным, автор приводит все тот же набор аргументов. Как и Д.П. Николаев, А.А. Елистратова имеет в виду не типологическое сходство (о котором, вслед за Бахтиным, говорит Кожин), а социально-исторический и литературный контекст конкретной эпохи, влияющий на автора, что до определенной степени оправдано. Здесь и содержатся различия в позициях исследователя, занимающегося частной историко-литературной проблемой, и автором, сопоставляющим глобальные явления всемирного литературного процесса в пространстве бахтинского «большого времени».

С публикацией статьи «Искусство слова и народная смеховая традиция (Рабле и Гоголь)» в 1973 г. начинается качественно новый этап в осмыслении бахтинской концепции смеха. Появление статьи в сборнике, издававшемся сектором теории литературы ИМЛИ АН СССР, придавало ей особый методологический статус. Появившаяся в окружении работ М.Б. Храпченко, Ю.Я. Барабаша, А.Ф. Лосева, Я.Е. Эльсберг и др. статья Бахтина приобретала характер официально признанной теории.

Один из первых откликов принадлежит Ю.М. Лотману. В работе «Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции» [13] и в совместной с Б.А. Успенским рецензией на книгу Д.С. Лихачева и А.М. Панченко «Смеховой мир» Древней Руси [14] Лотман, разделяя взгляд М.М. Бахтина на недопустимость одностороннего сведения смеха Гоголя к сатире, считал необходимым дополнить комплекс отношения Гоголя к смеху, рассматривая творчество Гоголя в контексте православной традиции.

В 1976 году на страницах «Литературного обозрения» были опубликованы рецензии С.С. Аверинцева и Г.М. Фридлендера на сборник М.М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет».

Аверинцев в рецензии-некрологе «Личность и талант ученого», размышляя о свободе как сущности Бахтина-исследователя, задается вопросом: «Не отсюда ли проистекает его неприязнь к сатире, с подкупающей открытостью и прямоотой выраженная хотя бы в статье «Рабле и Гоголь» <...>? Однозначно отрицающий, умерщвляющий без “воскрешения” сатирический смех есть для восприятия Бахтина нечто скаредное, чему не хватает самозабвения, щедрости жизни; в укор сатирическому смеху выясняется суть карнавального смеха – Гераклитова огня, расплавляющего все грани» [1, с. 60]. Исследователь, не знающий бахтинской статьи «Сатира» почувствовал, в какой-то мере «угадал» идею Бахтина о разных типах смеха и сатиры. Однако эта мысль не получила развитие.

Отчасти совпадая с Аверинцевым в общей оценке концепции гоголевского смеха, Фридлендер дает развернутый комментарий идее карнавальной природы смехового слова Гоголя, вступает в полемику с Бахтиным. «Вряд ли кто-нибудь согласится с мнением исследователя, – подчеркивает Фридлендер, – что смех не только у молодого, но и у зрелого Гоголя «несовместим со смехом сатирика»; это полемическое утверждение автора едва ли может быть принято также и для Рабле, хотя оно составляет краеугольный камень развитой им в книге о последнем концепции средневекового и ренессансного смеха. <...> Не убеждает и проводимая параллель между странствиями Чичикова и «веселым (карнавальным) хождением по преисподней» [23, с. 64].

Таким образом, статья «Рабле и Гоголь» воспринимается как фрагмент, как «механическое» наложение готовой теории на художественную практику Гоголя. Отметим, что здесь, как и в случае с выступлениями А. Дементьева, Д.П. Николаева, А.А. Елистратовой, корень расхождения лежит в незнакомстве исследователей с бахтинским пониманием сатиры, которое стало возможным только в 1995 г. после публикации написанной в 1940 г. для «Литературной энциклопедии» статьи «Сатира» [2, т. 5, с. 11–38].

Стремлением «уточнить» некоторые положения бахтинского понимания карнавала и смеха продиктованы выступления Ю.В. Манна. Свою монографию «Поэтика Гоголя» литературовед открывает главой «Гоголь и карнавальное начало», прямо подчеркивая – «постановка этой проблемы может послужить ключом для вхождения в поэтический мир Гоголя» [16, с. 7]. Дискуссия развивается в рамках освоения бахтинского наследия. Последовательно выделяя и анализируя элементы карнавализации у Гоголя, литературовед прямо выходит на проблему гоголевского смеха и его интерпретации Бахтиным: «Значит ли это, что гоголевское творчество всецело наследует карнавальную традицию?» [16, с. 13]. Однако в последующих своих размышлениях Манн сводит смех к карнавализации и ведет полемику по принципу детализации бахтинской концепции карнавала. Что по сути «снимает» декларируемое несогласие и приводит к подтверждению бахтинской идеи в общем выводе главы. К проблеме карнавала, карнавального смеха Манн вернулся в юбилейный год в статье «Карнавал и его окрестности». Обозначая «исходный пункт» своих размышлений, литературовед характеризует бахтинскую теорию комического как «во многом определившую современное понимание этой проблемы в отечественном, а частично и в зарубежном литературоведении» [15, с. 154]. На волне «бахтинского бума» Ю. Манн с удовлетворением отмечает изменившуюся ситуацию отношения к идеям Бахтину: «Одна из заслуг теории Бахтина, – подчеркивает Манн, – состоит в оправдании той области смешного, которая носит название грубой комики», той сферы, «которая у Бахтина носит наименование сферы телесного низа» [15, с. 154].

Всем ходом своих размышлений, дополняющих, а точнее – корректирующих бахтинскую концепцию, Ю. Манн показывает возможность ее использования в качестве инструмента современного гоголеведения.

Примером осмысления и освоения бахтинской концепции на рубеже 1970–1980-х гг. стала монография В.Ш. Кривоноса «Проблема читателя в творчестве Н.В. Гоголя». Ставя

перед собой задачу «осознать существо гоголевского смеха в связи с проблемой читателя» [10, с. 2], Кривонос начинает свои размышления с цитирования статьи «Рабле и Гоголь», с одной стороны, подчеркивая дискуссионность обозначенной проблемы, с другой – самой логикой научного повествования демонстрируя расширение горизонта, возможность свежего взгляда на гоголевское творчество. Органичность обращения В.Ш. Кривоноса к идеям М.М. Бахтина в научном пространстве монографий фиксирует тот перелом, который произошел в отечественном литературоведческом сознании конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – новый этап в осмыслении идей М.М. Бахтина отечественным литературоведением. Эпоха советских дискуссий вокруг Бахтина завершается признанием. Более того отсутствие внимания к бахтинской концепции при интерпретации теорий комического не позволяет провести анализ с достаточной степенью глубины. Для ведущих историков литературы М.М. Бахтин – фигура знаковая и авторитетная, классик, создатель новых подходов, опора на которые дает возможность «прочитать» многие сюжеты русской литературы, «увидеть» общие закономерности. В этот период делается попытка поместить М.М. Бахтина в центр гуманитарного мышления, что связано с изданием комплекса философско-эстетических работ ученого. Работа «К философии поступка», сборник «Эстетика словесного творчества» (1986) позволяют говорить о Бахтине-философе, мыслителе, для которого литературоведение было лишь одной из сфер приложения его «методологии гуманитарных наук».

Сюжет «Гоголь и Рабле» получает новое развитие в связи с дальнейшим обращением к этой стороне наследия Бахтина в работах отечественных и зарубежных исследователей середины 1990-х – начала 2000-х гг.

1. *Аверинцев С. С.* Личность и талант ученого // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 58–61.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
3. *Бочаров С.Г.* События бытия: О М.М. Бахтине // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. II. С. 277–294.
4. *Дементьев А.* Сомнительная методология // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 69–90.
5. *Дубровская С.А.* «Культура и жизнь» // Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. С. 166–168.
6. *Елистратова А.А.* Гоголь и проблемы западно-европейского романа. М.: АН СССР. Наука. 1972. 304 с.
7. Из воспоминаний Е.М. Евниной // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 114–117.
8. *Кожин В.В.* «Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа» (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
9. *Кожин В.В.* К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.
10. *Кривонос В.Ш.* Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 168 с.
11. *Кривонос В.Ш.* «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Проблемы повествования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 158 с.
12. *Липтун В. И.* «Располагайте мною по-дружески...» (о годах дружбы М.М. Бахтина с Г.С. Петровым) // Странник. 2014. № 2. С. 187–193. № 3. С. 180–185.
13. *Лотман Ю.М.* Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I(5).Тарту, 1974. С. 131–33.
14. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167.
15. *Манн Ю.В.* Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.
16. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с.
17. *Николаев Д. П.* Сатирическое отрицание и отрицание сатиры // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 91–110.
18. *Николаев Д.П.* Сатира Гоголя. М.: Худож. лит., 1984. 367 с.

19. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
20. Пинский Л.Е. Минимы / сост. и примеч. Е.М. Лысенко, Е.Л. Пинской, Л.Д. Мазур-Пинской. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 552 с.
21. Пинский Л.Е. Отзыв о книге М.М. Бахтина «Творчество Рабле и проблемы народной культуры средневековья и Ренессанса» // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 391–397.
22. Пинский Л.Е. Рабле в новом освещении // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 200–206.
23. Фридендер Г. Реальное содержание поиска // Литературное обозрение. 1976. № 10. С. 61–64.

«Rabelais and Gogol (The Art of Discourse and the Popular Culture of Laughter)»

© 2022 S.A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: M. Bakhtin, scientific biography, folk laughter tradition, Russian literary studies, *Rabelais and Gogol*, history of the reception of M.M. Bakhtin.

1. Averincev S. S. Lichnost' i talant uchenogo // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 58–61.
2. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1–6. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1996–2012.
3. Bocharov S.G. Sobytiya bytiya: O M.M. Bahtine // M.M. Bahtin: pro et contra. SPb.: RHGI, 2001. T. II. S. 277–294.
4. Dement'ev A. Somnitel'naya metodologiya // Voprosy literatury. 1968. № 12. S. 69–90.
5. Dubrovskaya S.A. «Kul'tura i zhizn'» // Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografiya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. S. 166–168.
6. Elistratova A.A. Gogol' i problemy zapadno-evropejskogo romana. M.: AN SSSR. Nauka. 1972. 304 s.
7. Iz vospominanij E.M. Evninoj // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1993. № 2–3. S. 114–117.
8. Kozhinov V.V. «Kak pishut trudy, ili Proiskhozhdenie nesozdannogo avanyurnogo romana» (Vadim Kozhinov rasskazyvaet o sud'be i lichnosti M.M. Bahtina) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1992. № 1. S. 109–122.
9. Kozhinov V.V. K metodologii istorii russkoj literatury (O realizme 30-h godov XIX veka) // Voprosy literatury. 1968. № 5. S. 60–82.
10. Krivonos V.Sh. Problema chitatelja v tvorchestve Gogolya. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1981. 168 s.
11. Krivonos V.Sh. «Mertvye dushi» Gogolya i stanovlenie novoj russkoj prozy. Problemy povestvovaniya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 158 s.
12. Laptun V. I. «Raspologajte mnoyu po-druzheski...» (o godah družby M.M. Bahtina s G.S. Petrovym) // Strannik. 2014. № 2. S. 187–193. № 3. S. 180–185.
13. Lotman Yu.M. Gogol' i sootnesenie «smekhovoj kul'tury» s komicheskim i ser'eznym v russkoj nacional'noj tradicii // Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam. I(5).Tartu, 1974. S. 131–33.
14. Lotman YU. M., Uspenskij B. A. Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnej Rusi // Voprosy literatury. 1977. № 3. S. 148–167.
15. Mann YU.V. Karnaval i ego okrestnosti // Voprosy literatury. 1995. № 1. S. 154–182.
16. Mann YU. V. Poetika Gogolya. M.: Hudozh. lit., 1978. 398 s.

17. Nikolaev D. P. Satiricheskoe otricanie i otricanie satiry // Voprosy literatury. 1968. № 12. S. 91–110.
18. Nikolaev D.P. Satira Gogolya. M.: Hudozh. lit., 1984. 367 s.
19. Pan'kov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 720 s.
20. Pinskij L.E. Minimy / sost. i primech. E.M. Lysenko, E.L. Pinskoj, L.D. Mazur-Pinskoj. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2007. 552 s.
21. Pinskij L.E. Otzyv o knige M.M. Bahtina «Tvorchestvo Rable i problemy narodnoj kul'tury srednevekov'ya i Renessansa»» // M.M. Bahtin: pro et contra. SPb.: RHGI, 2001. T. I. S. 391–397.
22. Pinskij L.G. Rable v novom osveshchenii // Voprosy literatury. 1966. № 6. S. 200–206.
23. Fridlender G. Real'noe sodержanie poiska // Literaturnoe obozrenie. 1976. № 10. S. 61–64.

Кустанай

© 2022 В.И. Лаптун

*Лаптун Владимир Иванович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического
университета им. М.Е. Евсевьева.*

E-mail: vil60@rambler.ru

Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева.
Саранск, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Кустанай, Саранск, П.Н. Медведев, «Слово в романе», «Опыт изучения спроса колхозников».

Кустанай (современное официальное название – Костанай – *каз.*) – город в Казахстане, административный центр Костанайской области. Расположен на северо-западе Казахстана, в северной части Костанайской области. Площадь – 240 км. До 17 июня 1997 г. город назывался Кустанай, по названию урочища, на котором расположился город у берега реки Тобол.

Строительство города было начато в 1879 г. по распоряжению оренбургского генерал-губернатора Н. Крыжановского. В связи со строительством нового поселения в 1880 г. туда стали пребывать переселенцы из европейской части Российской империи. Началось земледельческое, скотоводческое и коневодческое освоение этого края. Первоначально в городе были лишь предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и небольшие кожевенные и маслобойные заводы.

1 октября 1893 г. поселение Кустанай получило статус города, который стал именоваться Ново-Николаевском (Николаевском). В 1895 г. Высочайшим повелением императора Николая II Николаевский уезд был переименован в Кустанайский уезд, а сам город обрел официальное и окончательное название Кустанай. В том же году уездное управление переехало из Троицка в Кустанай.

В 1912–1913 гг. была построена железнодорожная линия Кустанай – Челябинск и открыта железнодорожная станция Кустанай. Во время Гражданской войны, в середине августа 1919 г., город и большая часть уезда была занята частями РККА. Город и уезд вошли в состав Челябинской губернии. Постановлением Челябинского губисполкома от 16 сентября 1920 г. Кустанайский уезд был передан Казахской АССР.

9 ноября 1920 г. Кустанайский уезд вошел в Оренбургско-Тургайскую губернию. 1 апреля 1921 г. образована самостоятельная Кустанайская губерния. 26 сентября 1925 г. Кустанайская губерния упразднена и преобразована вновь в Кустанайский уезд с непосредственным подчинением центральным органам управления Казахской АССР. В январе 1926 г. уезд преобразован в Кустанайский округ, который был упразднен в 1930 г. и из его территории образовано 15 районов. Кустанайский район вошел в состав Актюбинской области. Постановлением Президиума ВЦИК от 29 июля 1936 г. из 11 районов Актюбинской области была образована Кустанайская область.

Михаил Михайлович Бахтин отбывал ссылку в Кустанае в 1930-х гг.

Особым совещанием при Коллегии ОГПУ, которое состоялось 23 февраля 1930 г., было пересмотрено судебное дело М.М. Бахтина, «приговоренного постановлением Коллегии ОГПУ от 22 июля 1929 года к заключению в концентрационный лагерь сроком на пять лет» [цит. по: 3, с. 197]. В результате было вынесено следующее постановление: «Во изменение прежнего постановления Бахтина Михаила Михайловича выслать через ПП ОГПУ в Казахстан

на оставшийся срок» [цит. по: 3, с. 197]. Поводом к изменению приговора послужил поставленный врачебной комиссией диагноз: «Туберкулез легких, вялость сердечного мускула, резкое истощение, слабость нервной системы...» [цит. по: 3, с. 196]. В связи с этим вывод комиссии был категоричен: «Следовать без посторонней помощи не может» [цит. по: 3, с. 196].

Бахтины покинули Ленинград не сразу, в Кустанай они выехали 29 марта 1930 г., о чем немедленно было сообщено по линии ОГПУ в Москву. Бахтины прибыли в Кустанай примерно в первой декаде апреля. Михаил Михайлович распиской заверял сотрудников ОГПУ в том, что к месту своей ссылки он прибудет не позже 5 апреля, а также обязывался по прибытии сразу же, в течение 24 часов, сообщить о себе в Кустанайский ОГПУ, что, вероятно, и сделал.

Сообщение о прибытии М.М. Бахтина к месту ссылки было отправлено в Ленинград только 22 сентября 1930 г. В нем говорилось: «Кустанайский ОКР отдел ОГПУ подтверждает прибытие административно высланного Бахтина Михаила Михайловича. Просьба выслать учетный материал» [цит. по: 3, с. 198].

В беседе с В.Д. Дувакиным Михаил Михайлович вспоминал: «Кустанай – это был, действительно, такой угол совершенно темный <...> Степь кругом, степь, деревьев там очень мало. Голая степь... Климат там был тяжелый: зимой очень сильные морозы, а летом совершенно изводили пыльные бураны. Ветры, которые поднимали пыль, буквально невозможно было ходить – задыхаешься...» [5, с. 232–233].

Целый год Бахтин был без работы. Вероятно, его здоровье все еще оставляло желать лучшего. Только в апреле 1931 г. он устроился экономистом в Кустанайский райпотребсоюз. «Работу выбирал сам, – вспоминал Михаил Михайлович в ноябре 1974 г. – Выбрал экономистом в райпотребсоюзе. Быстро освоился в финансовых отчетах, балансах.... Работать по специальности было нельзя: в школу не пускали» [цит. по: 5, с. 356]. Следует отметить, что Бахтин достаточно быстро освоил новую профессию. Им даже была проведена исследовательская работа по изучению спроса и покупательской способности колхозного сектора. По итогам, в 1934 г. в журнале «Советская торговля» была опубликована статья «Опыт изучения спроса колхозников», которая была удостоена «похвального отзыва Комакадемии» [цит. по: 4, с. 10].

По словам М.М. Бахтина, местное население, привыкшее еще с царских времен к ссыльным, относилось к ним хорошо. «Как-то в то время было уже очень голодно, все выдавалось по карточкам, – вспоминал Михаил Михайлович, – но нам всегда прибавляли еще. Придешь в магазин – дает четверку чаю или там даже осьмерку чая. Попросишь – дадут две, три и так далее. Очень хорошо относились в торговых организациях <...>. Затем – зарплата. Так как ссыльные – в большинстве случаев это были люди образованные, квалифицированные, а таких там было очень мало, никого, собственно, не было из местного населения, то нам совершенно другую зарплату давали. Скажем, зарплата – полтора рубля, а нам давали двести пятьдесят – триста, только за то, что мы – ссыльные. Ну, нужно было, конечно, как-то оправдывать эту зарплату...» [5, с. 234–235]. В одно время с Бахтиным в Кустанае находились такие политические ссыльные, как Г.Е. Зиновьев, известный меньшевик Н.Н. Суханов (Гиммер) с женой, Г.К. Флаксерман, работавшая в 1917 г. в секретариате ЦК РСДРП (б) и др. [см. подробнее: 3, с. 202–226].

В июле 1934 г. срок ссылки М.М. Бахтина закончился, но он по-прежнему продолжал работать экономистом Кустанайского райпотребсоюза, кроме того, преподавал в местном педагогическом техникуме, а также на счетоводческих курсах союзного треста «Свиновод», курсах по подготовке директоров сельмагов при межрайбазе. «Я был в “минусе”, – вспоминал Михаил Михайлович в беседе с В.Д. Дувакиным. – И в Кустанае последний год я был уже в “минусе”. Потому что мне предложили: пожалуйста, можете ехать, вот Вам список городов, где Вы можете жить. Так я подумал, что в конце концов в Кустанае я уже живу, чего мне менять один Кустанай на другой Кустанай. И я остался там на год» [5, с. 237].

Не оставлял М.М. Бахтин и творческой работы. В Кустанае была написана большая книга «Слово в романе»: «В кустанайские годы Бахтин продолжает работу по проблемам романного слова. То, что задумывается как очерки по стилистике романа, постепенно перерастает в опыт постижения социальных и идеологических пространств слова и речи, в формирующиеся при этом образы говорящего человека, многоголосия различных социальных групп и сообществ, в новое понимание языка. Продолжая движение по пути, намеченному в книге о Достоевском и развивающему отдельные идеи “автора и героя”, Бахтин фактически реформулирует представление о герое литературного произведения как говорящем человеке романа, обладающем собственной волей и собственным жизненным пространством (еще одной формой все той же “нравственной действительности”) <...>. Как полагают современные литературоведы, именно в Кустанае закладываются основы бахтинской теории романа как структурообразующего элемента его жанровой поэтики, происходит поворот от социологии языка и литературы к новому пониманию сравнительно-исторической поэтики. Итогом этого понимания стал многостраничный труд, известный под окончательным названием “Слово в романе” и занимающий важное место в научной и человеческой биографии Бахтина 1930-х гг.» [2, с. 18].

Бахтины не планировали надолго оставаться в Кустанае, но вместе с тем Михаил Михайлович четко осознавал, что переезд в Москву или Ленинград, где находились его друзья и родные, для него невозможен. К слову сказать, понимали это и его друзья, которые, зная беспомощность Бахтиных в житейских делах, пытались подыскать им достойное место жительства.

Из письма Б.В. Залесского М.В. Юдиной 8 сентября 1935 г. следует, что Бахтины по-прежнему находятся в Кустанае, хотя о них нет никакой информации, так как они никому не пишут. «От самого М.М. никаких известий не имею, – сообщал Залесский Юдиной, – хотя и просил его написать мне сюда, также и через Нат. Мих. (Наталья Михайловна Бахтина – В.Л.) ничего не знаю, они должны были получить извещение из Пятигорска от одного моего товарища, как дела там относительно комнаты и службы, но мне она пока ничего не сообщала. Очевидно, придется специально организовать их переезд, иначе они никогда оттуда (из Кустаная – В.Л.) не выедут» [цит. по: 6, с. 441]. Как видно из приведенного фрагмента письма, одним из вариантов нового места жительства Бахтиных мог стать Пятигорск. Однако план не был реализован.

В июле-августе 1936 г., во время отпуска, Михаил Михайлович с Еленой Александровной побывали в Ленинграде и Москве. Не приходится сомневаться в том, в Ленинграде Бахтин встречался не только с родными, но и со своими старыми друзьями (в их числе – Павел Николаевич Медведев). Вероятно, в разговоре с ним Михаил Михайлович сообщил ему о своем желании уехать из Кустаная и поселиться где-нибудь недалеко от Москвы или Ленинграда.

Так получилось, что через месяц после разговора с Бахтиным, в начале сентября 1936 г., Медведев был командирован в Саранск в Мордовский пединститут в рамках «смычки работников института с ленинградскими учеными» [цит. по: 4, с. 11]. Там в течение двух недель он читал курс лекций по советской литературе для студентов-выпускников и сделал ряд больших докладов о Пушкине, Горьком, Маяковском и Шолохове для «партийно-комсомольского актива, преподавателей и учащихся Саранска» [см. подробнее: 4].

Не забыл Медведев и о своем друге. Во время пребывания в Саранске, П.Н. Медведев порекомендовал директору института А.Ф. Антонову пригласить на работу из Кустаная М.М. Бахтина. Последний незамедлительно это сделал, отправив в Кустанай соответствующее письмо, в котором приглашал М.М. Бахтина на преподавательскую работу в Мордовском пединституте.

Необходимо также отметить, что кроме письма от директора института Бахтин получил еще одно – от Медведева, о котором он упоминает в беседе с В.Д. Дувакиным: «Я получил письмо от Павла Николаевича Медведева. Медведев побывал в Саранске. Он попросту ездил туда халтурить. Там был большой пединститут, в Саранске, там деканом был его ученик... Там

ему понравилось. Понравилось в том смысле, что там спокойно, тихо, все хорошо в то время. И он посоветовал мне поехать в Саранск» [5, с. 237].

25 сентября 1936 г. Бахтин уволился из Кустанайского райпотребсоюза и выехал с супругой в Саранск.

В Кустанайском райпотребсоюзе М.М. Бахтину выдали весьма благожелательную характеристику. Вот некоторые ее фрагменты: «...За пять с половиной лет своей работы в Кустанайском райпотребсоюзе Бахтин проявил себя как высококвалифицированный, честный и преданный специалист. Не считаясь со временем, Бахтин не только добросовестно выполнял свои прямые обязанности, но проявлял широкую инициативу, выходящую за пределы его прямых обязанностей <...> Бахтин проявил себя и как хороший общественник, добросовестно выполнял нагрузки по профсоюзной линии, организовывал и руководил кружками техучебы, был членом Р.К.К. Бахтин освобожден от своей должности по собственному желанию, вследствие своего перехода на педагогическую работу» [см. подробнее: 4].

В силу сложившихся обстоятельств, во второй половине августа 1937 г. Бахтиным еще раз пришлось приехать в Кустанай. Это подтверждает письмо М.И. Кагана супруге от 15 августа: «Вчера в 11–12 ч. был у Бахтиных, т.к. не уверен был, что смогу быть у поезда (они уехали в 3 часа)». Тем не менее Каган все-таки успел на вокзал, где встретил провожавшую Бахтиных М.В. Юдину. «Так как был дождь, – пишет он, – то мы ушли минут за 10 до отхода поезда, чтобы не промокнуть насквозь. Полагаю, что Бахтины приедут сюда (в Москву – В.И.) месяца через 2–3. Если нет, то они, вероятно, поедут в Алма-Ату» [1, с. 665].

Бахтины вернулись в Москву значительно раньше, о чем свидетельствует запись в дневнике М.К. Юшковой-Залесской (1 сентября 1937 г.): «Б<орис> встреч<ал> М.М. и Е.А. и привел их (!). Ночевали» [цит. по: 6, с. 432].

1. Каган М.И. О ходе истории. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 703 с.

2. Киржаева В.П., Осовский О. Е. Раздвигая границы «энциклопедического канона»: статья «Бахтин Михаил Михайлович» для «Бахтинской энциклопедии» // Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. С. 5–29.

3. Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.

4. Липтун В.И. Кустанай – Саранск – Кустанай: М.М. Бахтин в 1936–1937 гг. // М.М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Вып. 2–3. Саранск, 2006. С. 9–21.

5. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным / под ред. С.Г. Бочарова. М.: Согласие, 2002. 400 с.

6. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.

Kustanai

© 2022 V.I. Laptun

Vladimir I. Laptun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy in the Mordovia State Pedagogical University named after M.E. Evseviev

E-mail: vil60@rambler.ru

Mordovia State Pedagogical University named after M.E. Evseviev.
Saransk, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: M.M. Bakhtin, Kustanai, Saransk, P.N. Medvedev, *The Word in the Novel, Experience of Studying the Demand of Collective Farm Workers.*

References

1. Kagan M.I. O hode istorii. M.: YAz. slavyan. kul'tury, 2004. 703 s.

2. Kirzhaeva V.P., Osovskij O.E. Razdvigaya granicy «enciklopedicheskogo kanona»: stat'ya «Bahtin Mihail Mihajlovich» dlya «Bahtinskoj enciklopedii» // Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografiya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. S. 5–29.
3. Konkin S.S., Konkina L.S. Mihail Bahtin: (Stranicy zhizni i tvorchestva). Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1993. 400 s.
4. Laptun V.I. Kustanaj – Saransk – Kustanaj: M.M. Bahtin v 1936–1937 gg. // M.M. Bahtin v Saranske: dok., materialy, issled. Vyp. 2–3. Saransk, 2006. S. 9–21.
5. M.M. Bahtin: Besedy s V.D. Duvakinym / pod red. S.G. Bocharova. M.: Soglasie, 2002. 400 s.
6. Pan'kov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 720 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Как уже сообщалось в «Бахтинском вестнике» (2021, № 2(6)), 5–10 июля 2021 г. в Саранске на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета состоялась XVII Международная Бахтинская конференция **«Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению»**.

Тезисы докладов конференции опубликованы в сборнике:

Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению : материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Н.И. Воронина; ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – 3,02 Мб

Сборник размещен на сайте журнала «Бахтинский вестник». URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2021/12/Материалы-XVII-Международной-Бахтинской-конференции.pdf>

Полные тексты ряда докладов, сделанных на конференции, опубликованы в следующих изданиях:

Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия (Из материалов XVII Международной Бахтинской конференции. Саранск, Россия, 5–10 июля 2021 года) // Литературоведческий журнал. 2021. № 4. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/literaturovedcheskii-zhurnal/arkhiv/2021-4/>

Долгорукова Н.М. «Бахтин средневековый»: образ таверны во французском фавье XIV в.

Дубровская С.А. «Бахтинская энциклопедия» как формат изучения и описания биографии и научного наследия М.М. Бахтина.

Жерноклеев Д.А. Бахтин о Флобере: поэтика «отрицающего образа».

Иваницкий А.И. «Самопродолжение» автора в романном герое: о возможных фольклорных источниках формулы М.М. Бахтина.

Ларокка Джузеппина. Внутри и вокруг Гоголя. Лев Пумпянский и Михаил Бахтин.

Махлин В.Л. «Творящее сознание», или М.М. Бахтин между прошлым и будущим.

Николаев Н.И. М.М. Бахтин в 1910–1920-е годы: единство пути.

Осовский О.Е. Накоротке с Тримальхионом: М.М. Бахтин, Джеймс Джойс и Генри Миллер.

Смирнов С.А. Михаил Бахтин: возрождение автора.

Сычев А.А. Нравственные измерения хронотопа.

Тюпа В.И. Бахтин и нарратология.

Brandist Craig. The Bakhtin Circle and the East (or What Bakhtinian Ideas Tell Us about “Decolonising the Curriculum”).

Emerson Caryl. The Fad for Bringing Bakhtin Down (and where it goes wrong).

Бахтинский диалог в современной культуре // Центр и периферия. 2021. № 3. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/dlya-sajta-czip-3-2021-zamena.pdf>

Автухович Т.Е. Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина.

Акимова Т.И. М.М. Бахтин и Л.В. Пумпянский о литературе XVIII в. (К проблеме романа воспитания).

Владимирова С.М. Смеховое слово в ближневосточном нарративе С.С. Кондурушкина.

Воронина Н.И. Поклонение «пожизненному другу...»: М.В. Юдина — М.М. Бахтин.

Дубровская С.А. Творчество А.А. Шаховского в свете бахтинской концепции смеха.

Клюева И.В. «Последняя любовь Керенского...»: о ком М.М. Бахтин говорил В.Д. Дувакину?

Клюева И.В., Лисунова Л.М. «Нам так хотелось поблагодарить его...»: М.М. Бахтин глазами саранских студентов, слушателей, коллег.

Пахмутова Е.Д., Лаптева И.В. Бахтинский диалог в современной культуре: блог как форма взаимодействия коммуникантов.

Сычев А.А., Фофанова К.В. История развития социологического знания в контексте методологических идей М.М. Бахтина.

Филиппова О.В. Лингвистические идеи М.М. Бахтина в современном школьном и вузовском риторическом образовании.

Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. № 79 (2) URL: http://www.ssc.smr.ru/hum_izv_2021_4.html#part2

Воронина Н.И. Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению.

Денисова Г.В. «Чужое слово» в современной русской литературе: векторы интертекстуального преломления.

Корнилова Е.Н. Хронотоп и карнавал в романе Пера Лагерквиста «Варрава».

Юрина Н.Г. «Воскресные письма» В.С. Соловьева в ракурсе концепции речевых жанров М.М. Бахтина.

Обзор конференции представлен в статье:

Тульчинский Г.Л. Новые уроки рецепции философского наследия М.М. Бахтина (Обзор XVII Международной Бахтинской конференции) // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 216–222. URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/7283>

Рецензия на издание, подготовленное к конференции в Мордовском государственном университете:

Киржаева В.П., Осовский О.Е. Дарственные надписи на изданиях из библиотеки М.М. Бахтина в контексте истории литературоведения : Рецензия на «Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост. И.В. Клюева, Н.Н. Земкова; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с. // Русская литература. 2022. № 1. С. 282–283. URL: http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2022/02/25_Kirzhaeva_osovskij_282-283.pdf

Новые публикации, посвященные М.М. Бахтину и бахтинскому контексту

В 2021 г. в авторитетных издательствах вышли в свет монографии и сборники, отражающие нынешнее состояние и намечающие перспективы развития бахтиноведения.

Hirschkop K. The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. XVI, 250 p. (Cambridge Introductions to Literature).

Известный литературовед и культуролог, профессор Университета Ватерлоо (Канада) Кен Хиршкоп представляет подробное изложение работ русского мыслителя на фоне его биографии и в контексте интеллектуальной истории XX в.

Опираясь на корпус текстов из Собрания сочинений М.М. Бахтина (Москва, 1996–2012) и используя современные исследования, автор раскрывает ключевые бахтинские идеи, демонстрирует их актуальность и действенность для гуманитаристики.

Исследователь показывает, как идеи Бахтина изменили наше понимание языка и текста художественной литературы. Книга, предназначенная прежде всего для студентов-гуманитариев, будет интересна и полезна также преподавателям и исследователям.

Brait B., Gonçalves J.C. Bakhtin e as Artes do Corpo. São Paulo: Hucitec, 2021. 214 p.

Книга демонстрирует возможность применения идей М.М. Бахтина и Круга Бахтина в анализе новых дискурсивных форм, а также открытие новых подходов, поиск иных «линз» в исследовании самых разных дискурсов.

Авторы и редакторы сборника – критик, эссеист, профессор Папского католического университета Сан-Паулу, главный редактор журнала «Бахтиниана» Бет Брайт и профессор Федерального университета Параны Жан Карлос Гонсалвес – показывают, как использование бахтинской теории тела позволяет расширить горизонты понимания искусства тела и соответствующих дискурсивных элементов. Музыка, театр, танец, художественный, научный перевод и учебная аудитория исследуются авторами как сферы, рождающие новые дискурсы.

Книга состоит из пяти глав и объединяет исследователей из трех стран (Бразилии, Франции и Великобритании), представляя собой плодотворный диалог о теле, искусстве, жизни, времени и текущих событиях. Подготовленная во время пандемии, она затронула и этот, можно сказать родившийся на наших глазах, хронотоп современных дискурсов.

Bykova Marina F.; Forster, Michael N. & Steiner, Lina (eds.) The Palgrave Handbook of Russian Thought. Springer Verlag. 2021. XXVII, 814 p.

Коллективная монография предлагает углубленный обзор развития русской мысли, рассматривая интеллектуальную историю России с конца XVIII до конца XX в. Монография представляет собой критическое обсуждение философского и культурного ландшафта советского периода, а также размышления о философском и интеллектуальном развитии постсоветской России.

Как отмечается в предисловии к изданию, цель авторов – помочь читателям ориентироваться в сложном пространстве русской мысли и научиться ценить ее уникальное наследие и историческое значение.

В тридцати шести главах книги рассматривается творчество философов (Александр Герцен, Михаил Бакунин, Владимир Соловьев, Владимир Ленин, Иван Ильин, Алексей Лосев и Мераб Мамардашвили), писателей (Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Лев Толстой, Осип Мандельштам и Владимир Набоков), литературных критиков и теоретиков (Виссарион Белинский, Михаил Бахтин и Юрий Лотман).

Авторский коллектив монографии – всемирно признанные ученые, специалисты в области русской философии, литературы и интеллектуальной истории (Россия, США, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды и Швейцария).

Особое внимание необходимо обратить на главы, посвященные М.М. Бахтину. Авторы – известные бахтиноведы: историк философии профессор Виталий Львович Махлин (Москва) и историк и теоретик литературы профессор Галин Тиханов (Лондон).

Виталий Махлин в главе «Будущее в прошлом: мысль Михаила Бахтина между наследием и восприятием» («Future-in-the-Past: Mikhail Bakhtin's Thought Between Heritage and Reception») размышляет над проблемой, сформулированной в виде вопроса: «Каким было событие (или события) мышления в философии и гуманитарных науках двадцатого века, в котором участвовал этот русский философ и ученый и на которое он откликнулся, согласно его собственным концепциям “участливого мышления” и “активно реагирующего понимания”?».

Галин Тиханов в главе «Бахтин, перевод, мировая литература» («Bakhtin, Translation, World Literature») анализирует основные траектории освоения Бахтина на Западе с 1960-х гг., размышляя о потенциале работ русского мыслителя для современных дебатов о мировой литературе.

ХРОНИКА

4 марта 2022 г. в Центре М.М. Бахтина МГУ им. Н.П. Огарева состоялся традиционный круглый стол, посвященный Дню памяти мыслителя.

Состоявшийся круглый стол стал первым в цикле мероприятий Центра М.М. Бахтина, направленных на повышение туристической привлекательности Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева и Саранска в сфере интеллектуального туризма.

Архитектурным свидетелям жизни и творчества М.М. Бахтина в Саранске был посвящен доклад кандидата философских наук, доцента кафедры архитектуры и дизайна архитектурно-строительного факультета МГУ им. Н.П. Огарева Н.Ю. Лысовой.

В работе круглого стола приняли участие сотрудники Центра М.М. Бахтина Н.И. Воронина, С.А. Дубровская, И.В. Ключева, преподаватели и студенты филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, студенты Саранского духовного училища, научные сотрудники Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина и Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева. Мероприятие прошло в офлайн и онлайн форматах.

По окончании круглого стола участники возложили цветы к памятнику М.М. Бахтина.